

ВІЛЬНЕ

ВОЛЬНОЕ

КАЗАЧЕСТВО

КОЗАЦТВО

10 Února 1932.

Volné Kozáctvo

Ročník V.

98

10-го февраля 1932 г.

10-го лютого 1932 р.

П Р А Г А

П Р А Г А

ГОД ИЗДАНИЯ 5-ый

РІК ВИДАННЯ 5-ий

Ю. Титон

СОДЕРЖАНИЕ.

1. И. М. Назаров: Боевая песня. (Válečná píseň).
2. П. Крюков: Кубанский гимн. (Kubáňská hymna).
3. С. Савицкий: * * * (Verše).
4. Борис Кундрюцков: Мятелица. (Chumelenice).
5. Союзная Конституция Казакии. (Spolková Ustava Kozákii).
6. Ш. Балинов: Чем стало Казачество. (Čím se stalo Kozáctvo).
7. Книгочий: Основные черты и типы в творчестве Крюкова. (Základní rysy a typy tvorby Krjukova).
8. Н. Букин: Двенадцать лет назад. (Před dvanácti léty).
9. Думы и мысли. (Dumy a myslí).
10. Казачьи фельетоны. (Kozácké feuilletony).
11. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
12. К вопросу об оседании казаков на землю. (K otázce usazení kozáků na půdu).

Почтовый ящик.

<p>Болгария. — П. К. — Получено. Привет.
 Болгария. — I. У. — Получено. Привет.
 Югославия. — А. Ч. — Посылается исправно.
 Франция. — В. Б. — Ответ — письмом. Привет.
 Югославия. — К. Т. — Получено. Привет.
 Франция. — Н. Б. — Получено. Привет.
 Сев. Америка. — С. С. — Получено. Посылается. Привет.
 Кливеленд. — А. А. — Все получено. Привет.
 Италия. — Н. П. — Будет помещено. Привет.
 Ваньов. — П. Я. — Получено. Привет.
 Шабаци. — П. И. — Все получено своевременно; ответ был уже в почт. ящ. номера 94. Привет.
 Шабаци. — П. Д. — Хорошо. Привет.</p> | <p>Франция. — Д. Л. — Будет помещено. Привет.
 Югославия. — К. Ш. — К большому сожалению, ничем помочь Вам не можем. Привет.
 Шабаци. — Г. Ш. — Получено. Привет.
 Югославия. — И. Н. — Получено. Привет.
 Франция. — С. — Получено. Привет.
 Бельфор. — В. — Посылаем. Привет.
 Поличка. — А. Т. — Посылаем. Привет.
 Греция. — В. П. — Деньги получены. Журнал высылается исправно. Привет.
 Обреновац. — А. П. — Получено. Привет.
 Югославия. — П. К. — Деньги не получены.
 Бургас. — Я. О. — Получено. Посылаем. Привет.
 Лесковац. — Н. К. — Получено. Посылаем. Привет.</p> |
|--|---|

Гонорар не платится.

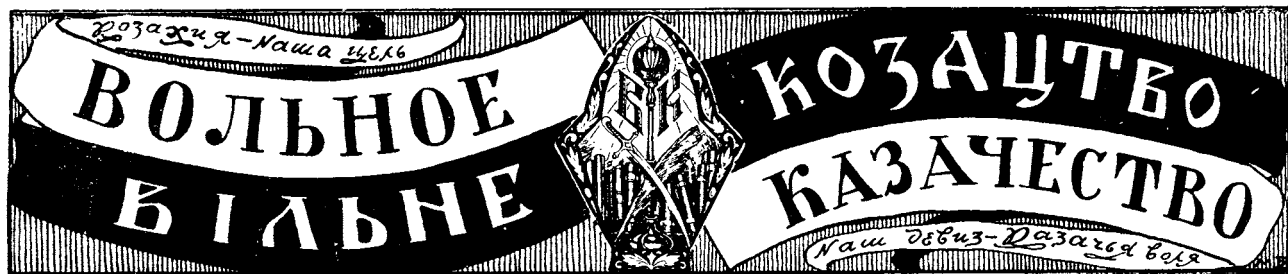
Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

<p style="text-align: center;">В Ч. С. Р.:</p> <p>В БРНО: Виктор Карпушкин.</p> <p style="text-align: center;">В ЮГОСЛАВИИ:</p> <p>Б. А. Кундрюцков. Белград.
 А. А. Гейман. Зајечар.
 Г. В. Алферов — Мраморак.
 А. Чекин. Крагуевац.</p> <p style="text-align: center;">В РУМЫНИИ:</p> <p>С. М. Маргушин. M-eur Margouchine. Str. Mocancuta, 12, Bukarest V.
 В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj, Str. Baba Novac, 23.</p> <p style="text-align: center;">В ГЕРМАНИИ:</p> <p>Г. А. Козловский. Berlin W. 50, Kaiser Allee 215.</p> <p style="text-align: center;">В ПОЛЬШЕ:</p> <p>Б. В. Фесенко. Варшава.
 Вл. Еремеев. W. P. Wl. Ieremiejew, Grajewo, ul. Boguszevska 5, m. 1.
 С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew, Hotel „Sokolowski“, ul. Niemecka, 1, Wilno.
 А. Кирьянов. Августов.</p> <p style="text-align: center;">В БОЛГАРИИ:</p> <p>П. Н. Кудинов. Александрово — гара. Видинско.
 Т. Л. Ляхов. София, ул. Царь Семеон, 28.
 Н. Егоров. Лом, ул. Царь Асенъ, 20.</p> | <p style="text-align: center;">В О ФРАНЦИИ:</p> <p>Ш. Н. Балинов. Париж.
 А. К. Ленивов. M-eur Lenivoff; 17, rue Katherine Favre, Monplaisir-Plaine. Lyon.
 Т. К. Хоруженко. M-eur Khoroujenko; 82, av. Sidoine Apollinaire, Lyon-Vaise.
 И. В. Чуприна. M-eur I. Tchouprina; 59, rue du Marechal Joffre, Cenon (Gironde).
 С. И. Шепель. — M-eur Chepel, canep Victor Hugo, Refuge Russe, Marseille.
 И. Т. Курило. M-eur Kourilo, Bourg des Maisons, par la Tour Blanche.
 С. К. Поляков. M-eur S. Poliakov, Rombas.</p> <p style="text-align: center;">В СЕВ. АМЕРИКЕ:</p> <p>А. Д. Аникушин. M-r Anikoushine 2287 Columbus R-d, Cleveland, Ohio (U. S. A.).</p> <p style="text-align: center;">В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ:</p> <p>С. Савицкий. S. Savytzky. Papanduva, via Canoinhas, S-ta Catharina. Brasil.</p> <p style="text-align: center;">НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ:</p> <p>И. Константинов. Харбин, Новое Ченхе, Прибойня 6.</p> |
|---|--|

К казачьим организациям:

Через редакцию „В. К.“ можно приобрести гербы: Казакии или отдельных казачьих Войск, исполненные в красках.
 Цена с пересылкой: герба Казакии — 3 ам. долл. или: 100 кч., 75 фр. фр., 150 динар, 300 лева, 400 лей, 25 злотых.
 Герб отдельного Войска (Донской, Кубанский, Терский, Калмыцкий, Астраханский, Яицкий, Оренбургский, Сибирский, Семиреченский, Забайкальский, Енисейский, Амурский и Уссурийский) с пересылкой стоит 2 ам. долл. или: 60 кч., 100 динар, 50 фр. фр., 200 лева, 300 лей, 20 злотых.

— VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychází 10 a 25 každého měsíce).

Редактор И. А. Билый.

Редакция и администрация: Praha - Vinohrady, Hradecká, 2207. Tchecoslovaquie.

№ 98

Среда, 10 февраля, 1932 — Среда, 10 лютого, 1932.

№ 98

И. М. Назаров.

БОЕВАЯ ПЕСНЯ.

Заря воинственных восстаний
В тревожном топоте коней
Уж загорается в тумане
Далекой родины моей.
Тревожно в степь глядят станицы,
В них ждет призыва вольный дух,
А враг, как стаи хищной птицы,
Все гуще селится вокруг.

Сполох! Сполох! С сигнальной вышки
Раздастся призыв трубачей:
И вы — отцы, и вы — парнишки,
Седлайте боевых коней.

Чего нам ждать? — одни — в чужбине
На жалких беженских пайках,
Другие — в каторжной трясине
Или в холодных Соловках.
С дворов повыгнали „худобу“;
В амбарах чисто подмели...
Что день — гробы несем в утробу
Холодной матушки земли.

Сполох! Сполох! С сигнальной вышки
Раздастся призыв трубачей:
И вы — отцы, и вы — парнишки,
Седлайте боевых коней.

И счета нет гробам казачьим,
Над ними пляшет красный кат...
Но, жди не жди, — мы не заплачем,
А в пули выльем мести яд.
Нам места нет в своей отчизне, —
Кругом глумленье и напасть...
Чем жить такой проклятой жизнью,
Не лучше ль всем на поле пасть?

Сполох! Сполох! С сигнальной вышки
Раздастся призыв трубачей:
И вы — отцы, и вы — парнишки,
Седлайте боевых коней.

Так в бой же все — отцы и дети, —
В ком сердце гордое, за месть,
За жизнь, попранную в расцвете,
И нашу дедовскую честь.
С коней не слезем до победы,
Не бросим пик в ночных боях,
Пока не будем жить как деды,
Иль все не ляжем на степях.

Сполох! Сполох! С сигнальной вышки
Трубач зовет на смертный бой:
И вы — отцы, и вы — парнишки,
Не посраим земли родной.

Петр Крюков. (Франция).

КУБАНСКИЙ ГИМН.

(Проект).

Кубань привольная, родная!
Вспоила Ты своих детей!
Ты — наша Родина святая!
Нам нет иной, Тебя милей!

Кубань! Ты — дочь родная Воли.
Без Воли Ты не можешь жить
И мы — сыны Твои — неволи,
Как Ты, не можем полюбить!

Так будь-же вольной, Мать родная,
Кубань — Отчизна казака!..
Ты — наша Родина святая, —
Будь вольной веки и века!..

С. Савицький. (Бразилія).

Ой, сила соломоньку ломить.
Зломили і нас вороги:
Одні полетіли за море,
А другим дали ланцюги.
Із хат козаків виганяють,
В Сибір, у Соловки женуть...
Козацьке добро споживають;
Самі ж і не сіють й не жнуть.

* * *

Невольницькі пісні співають
По тюрмах козацькі сини.
В колхозах свій вік коротають,
Даремно чекають весни.
Ой, сила соломоньку ломить...
Приборкані вільні орли...
Та виросте пір'я і знову
На степ позлітаємось ми!..

Борис Кундрюцков. (Белград).

М Я Т Е Л И Ц А.

Там, в степях, мятелица, мятелица крутит,
В небо почерневшее воеет жутко волк...
В эту ночь проклятую холод птицу губит,
Пальцы обжигает на ружье курок...

У повстанца с жизнью счёты все окончены —
Умереть,
Умереть

За Отчизну осталось,
За казачью ширь, эту ширь необъятную —
Колыбелью свободы, что долго так звалась...

Не пугает север долгими морозами,
В сердце есть идеи жаркий огонек,
Жизнь пришла к нам бедами, бедствием и грозами,
Но в горниле жизненном брат не изнемог...

И хоть с жизнью счёты многих поокончены —
На защиту
Отчизны

Новый рыцарь идет, —
За казачью ширь, эту ширь необъятную
Снова в руки оружие молча берет!..

Ветры задувают ледяным дыханием
В лица похудевшие; в светлые глаза
Смерть глядит знакомая; но, полно сознание,
Что за Право старое поднялся казак...
Знать еще осталось то, что не окончено!
Слово есть...
Последнее...

С него ложь очищена —
Будет нашу ширь, эта ширь необъятная —
В ней хранится казачья истина...

Проект.

Основные законы Казачьего Союзного Государства: Союзная Конституция Казаккии.

(Основная часть программы В. К.)

(Продолжение).

ГЛАВА VII.

Организация юстиции в Казаккии.

231. Судебная деятельность во всей Казаккии: в Союзе и Областях исполняется исключительно на основании подлежащих законов Союза и Областей и независимо от каких либо предписаний учреждений и лиц исполнительной власти.

232. Служебное и личное положение судей должно быть, соответственно такому основному принципу, обеспечено согласно тем порядкам, которые в этом отношении строго и последовательно соблюдаются в современных культурных государствах Европы и Америки.

233. За преступления по службе судья подсуден исключительно в судебном порядке, в первой инстанции суду высшей над ним судебной инстанции.

234. Судебные установления организуются в каждой Области их законодательными органами с обязательным соблюдением таких основ: должны быть:

или 1) две судебные инстанции (суд первой инстанции и апелляционный суд) и Областная Кассационная Палата, или

2) три судебные инстанции (суд первой инстанции, апелляционный суд и высший апелляционный суд).

235. Возможное объединение нескольких или же и всех Областей для образования общего для них апелляционного суда, Кассационной Палаты, или высшего апелляционного суда зависит от их свободного соглашения и такие объединения со стороны Союзного Правительства будут покровительственно поддержаны.

236. В апелляционном и высшем апелляционном суде в Области или в Областной Кассационной Палате не меньше половины членов трибунала должны быть из лиц, окончивших, с дипломом, полный курс на юридическом факультете или в иной высшей юридической школе.

237. Союзное Правительство, в свою очередь, организует одну Кассационную Палату на всю Казакию и два апелляционных суда в двух целесообразно назначаемых разных местах страны. Каждому Областному Правительству предоставляется свободно присоединить свою судебную организацию к этим установлениям, сохраняя свои суды первой инстанции.

Области могут обусловить свое присоединение определенным сроком не менее 5-ти лет, и повторять на далее свое присоединение на последующие новые 5-тилетия.

Примечание: Начатые в каждое данное пятилетие дела должны быть закончены в этих союзных судах и Кассационной Палате и после окончившегося данного пятилетия присоединения.

238. Союзные апелляционные суды и Кассационная Палата организуются по современным культурным принципам, применительно к бывшим судебным учреждениям 1864 года в Российской Империи, в их первоначальном виде (от 1864 года).

239. Судей в Союзные апелляционные суды и сенаторов в Союзную Кассационную Палату назначает Союзный Атаман-Президент из списка лиц, которых предлагает, как кандидатов, на каждую вакансию (соответственно): сам суд и Палата и, кроме того, каждый Войсковой Круг (Рада), по его желанию, в том случае, если он присоединился к данной союзной судебной организации.

240. Союзный Атаман-Президент при своем выборе кандидата на замещение вакансий принимает во внимание, чтобы из каждой Области, присоединившейся к союзной судебной организации, были представлены в составе этих установлений оседлые обыватели, граждане Области, — и по возможности в числе, пропорциональном численности ее населения; и, в частности, в каждом апелляционном суде — пропорциональном численности населения всех тех Областей, которые принадлежат к округу данного апелляционного суда.

241. Законодательство по организации апелляционного суда и Кассационной Палаты принадлежит Союзному Кругу, который по всем таким вопросам всегда обязательно выслушивает письменно поданные заключения и предложения обоих апелляционных судов и Кассационной Палаты, и в заседание Круга, кроме того, приглашаются (как сведущие лица) по одному представителю от каждого из сих трех установлений, когда Кругом рассматриваются такие дела.

242. Расходы по содержанию обоих апелляционных судов и Кассационной Палаты относятся на счет союзной казны, в которую также поступают все взимаемые в этих установлениях судебные пошлины; размеры этих пошлин определяются законами С. Круга.

243. „Высший Союзный Суд“ есть высшая судебная инстанция для разрешения, в судебном порядке, всех правовых споров в области Союзно-государственного управления.

244. Областными Правительствами предоставляется присоединять к союзной организации высшей инстанции административной юстиции свои соответственные установления, — по своему усмотрению: или временно, как определено выше в ст. 237, или навсегда.

245. Высший Союзный Суд разрешает также все те правовые вопросы, которые означены в разных статьях Союзной Конституции. К его организации всецело и обязательно применяются принципы, которые обязательны для организации судебных установлений и подтверждаются Союзною Конституциею.

246. Сенаторы Высшего Союзного Суда назначаются пожизненно.

247. Число сенаторов Высшего Союзного Суда определяется законом; оно не может быть меньше 12-ти. Назначает их Союзный Атаман-Президент из числа: 1. кандидатов, которых предлагает каждый Войсковой Круг (Рада), 2. Союзный Круг, 3. сам Высший Союзный Суд и 4. Кассационная Палата.

Примечание: В составе Высшего Союзного Суда должен быть по крайней мере один сенатор из каждой Области.

248. Высший Союзный Суд есть судебное место; сенаторы суть судьи. Суд и сенаторы имеют все права, какие обеспечиваются суду и судьям в Союзной Конституции.

Сенаторы подсудны за дисциплинарные нарушения и преступления по службе соединенному присутствию Высшего Союзного Суда и Союзной Кассационной Палаты.

249. В каждой станице (хуторе, селе, ауле,...) организуется постоянный примирительный суд в который стороны, для мирного разрешения гражданско-правовых споров между ними, и частных жалоб по проступкам, могут обращаться по взаимному соглашению.

250. Для организации таких станичных (хуторских, сельских, аульных,...) примирительных судов, в каждой Области составляются один или несколько нормальных уставов такого примирительного производства, которые в своем районе применяются обязательно за отсутствием особого соглашения между сторонами; стороны могут условиться об изменениях в нем.

251. Решения примирительного суда окончательны, если стороны не оговорили, в самом начале своего права на возможность апелляции, каковая подается в апелляционный суд. При неподаче обусловленной жалобы в месячный срок в апелляционный суд, решение прим. суда вступает в законную силу со всеми законными последствиями судебного решения.

252. Стороны могут в обыкновенном процессе согласиться начать свой процесс непосредственно в апелляционном суде; в таком случае вторая судебная инстанция для них отпадает и остается только право подачи кассационной жалобы, или жалобы в высший апелляционный суд.

253. Право (общей) амнистии принадлежит на территории всей Казакии Союзному Кругу.

254. Для рассмотрения прошений об индивидуальном помиловании осужденных к наказаниям составляется особая коллегия из депутатов Союзного Круга по два от каждой Области; они назначаются по очереди на старшего возраста. Единогласное решение коллегии есть окончательным, как в сторону помилования, так и в сторону отклонения просьбы о помиловании. Решение, принятое лишь большинством голосов за помилование, поступает, с заключением Войскового Атамана соответственной Области, на утверждение Союзного Атамана-Президента. Если за помилование в коллегии не составилось большинства голосов, то Атаман-Президент, после заключения Войскового Атамана Области, где совершено преступление, или отклоняет помилование, или передает самое дело осужденного на перерешение в Союзный апелляционный суд.

255. Производство дел в уголовном порядке не может быть прерываемо никакими амнистиями и помилованиями.

ГЛАВА VIII.

Вооруженные силы Казакии. Военное управление.

Отдел первый.

ВОЙСКО, ЕГО УПРАВЛЕНИЕ.

256. Войско Казакии, как народная оборона, составляет одно целое всех вооруженных сил всей нераздельной федеративно организованной страны.

257. Организация войска Казакии нормируется началами, которые устанавливаются Верховным Союзным Кругом.

258. Все войско Казакии состоит, в определяемом законами Союзного Круга и Верховного С. Круга порядке, под общим Союзным управлением Союзного Атамана-Президента, как верховного вождя во главе, под непосредственным командованием соответственных военных чинов в установленной служебной иерархии и дисциплине. На случай мобилизации, по различным причинам, и на случай войны назначается главнокомандующий вооруженными силами Казакии согласно ст. 183.

259. Войско разделяется в мирное время на областные кадры так, чтобы каждый призываемый на военную службу гражданин исполнял первую половину срока своей военной службы в той Области, где он перед тем имел постоянную оседлость.

260. При образовании военных кадров из граждан от отдельных Областей, принимаются во внимание традиционные, обычные в каждой Области, особенности по призыву новобранцев. С такою целью Атаман-Президент может разрешать привычные отступления от общеобязательного общего порядка, которые не предусмотрены в законах. А.-Президент сообщает о своих разрешениях к сведению ближайшей сессии Союзного Круга, который может просить А.-Президента об отмене или об изменении, в определенном смысле, его распоряжения.

261. Дислокация войска в мирное время производится, с соблюдением указанных в ст. ст. 259 и 260 правил, приказами А.-Президента по представлению начальника Главного Военного Штаба на основании его соглашения с Военным Министром.

262. В Главном Военном Штабе служебный персонал, в военных и гражданских чинах, должен составляться с соблюдением возможной пропорциональности между лицами, принадлежащими к отдельным Областям, сообразно данным о численности населения в них.

263. В военный Совет военного министерства должны быть приглашаемы не менее, как по одному генералу или полковнику из каждой Области, для чего каждый Областной Войсковой

Круг (Рада) может рекомендовать своих кандидатов, в числе по своему усмотрению, и назначить желательную постепенность их очереди при соответственных назначениях.

С соблюдением таких условий, назначения на должности членов Совета зависят от Атамана-Президента. От его усмотрения зависит и увольнение членов военного Совета.

264. Общие и дисциплинарные военные суды ведают исключительно дела о преступлениях, проступках и нарушениях военных чинов и вообще служащих в военных учреждениях, связанных с исполнением службы по военному ведомству в строю или в учреждениях воинских управлений.

265. Организация и производство в военных судах и применяемые в них нормы материального права (военно-уголовный кодекс) определяются законами Союзного Круга.

266. Связанные с указанными в ст. 264 делами преступные деяния посторонних службе в военном ведомстве лиц, также подлежат компетенции военных судов.

Отдел второй.

ГЛАВНЫЙ ВОЕННЫЙ ШТАБ.

267. Главный Военный Штаб заведует всеми мероприятиями, которые имеют целью: 1. подготовить и во всякое время содержать в должной исправности и полной готовности военно-боевые силы и средства Казакии на уровне современных военных требований; 2. постоянно разрабатывать во всех деталях все нужные для Казакии стратегические планы и инструкции.

268. Во главе Штаба стоит Начальник Союзного Главного Военного Штаба, непосредственно подчиненный Союзному Атаману-Президенту. Он состоит в постоянном деловом контакте с военным министром. Военный Министр заведует своевременным пополнением кадров войска, согласно законным нормам, и всеми персональными делами и вопросами по войскам и хозяйственным удовлетворением всех потребностей по войску и воинскому управлению.

269. Начальник Главного Военного Штаба принимает участие в заседаниях Совета Министров, когда там обсуждаются вопросы по военному ведомству, и имеет по ним здесь решающий голос. В военном Совете при военном министерстве он участвует лично, когда считает это нужным; или может командировать для участия в военном Совете вместо себя одного из состоящих при нем генералов.

270. Организация отделений в Штабе и штаты служащих в них определяются в законодательном порядке. Штаты эти не могут быть уменьшаемы без согласия Союзного Атамана-Президента.

271. Начальник Главного Военного Штаба назначается на должность и увольняется непосредственно Союзным Атаманом-Президентом.

272. Все назначения на должность служащих в Штабе производит, по непосредственному докладу Начальника Главного Военного Штаба, Атаман-Президент.

Начальник Штаба предварительно уведомляет о своих кандидатах Военного министра.

273. Смету на расходы по содержанию Главного Военного Штаба и учреждений, которыми Штаб в хозяйственном отношении сам заведует, на каждый предстоящий бюджетный год Начальник Штаба представляет по подлежащему назначению непосредственно. В соответственном законодательном Круге он по этой смете сам дает объяснения или давать их поручает своему заместителю.

274. Приказы Атамана-Президента по войскам и воинским управлениям контрастируются военным министром или Начальником Главного Военного Штаба по принадлежности службы. В особо важных делах, по усмотрению Атамана-Президента, контрастируют совместно министр и Начальник Штаба.

Отдел третий.

ГЛАВНАЯ ВОЕННАЯ ИНСПЕКЦИЯ.

275. Главная воинская инспекция проверяет на местах: всестороннюю исправность подлежащей военной выправки в войсках Казакии и обеспечение их всем, что им законно полагается;

исправность всех военных снаряжений и достаточную их наличность;

исправность обучения в частях и в военно-учебных заведениях.

276. О замеченных неисправностях и недостатках инспектирующий уполномоченный подает свои донесения Главному военному Инспектору, а копии замечаний по каждому делу сообщает одновременно тому учреждению, к которому замечания относятся.

277. Во главе Главной Инспекции стоит Главный Военный Инспектор, как начальник всей Инспекции. Он непосредственно подчинен Союзному Атаману-Президенту; он назначается и увольняется Ат.-Президентом.

278. Главный Военный Инспектор ежемесячно подает сводные донесения Ат.-Президенту о произведенных инспекциях и их результатах; копии с них он одновременно сообщает Военному Министру и Начальнику Главного Штаба.

279. Главный Военный Инспектор подает Союзному Атаману-Президенту два раза в год, в марте и сентябре, а в случае надобности и чаще, свои соображения о необходимых улучшениях в войсках, чтобы войска вполне отвечали своему назначению.

Примечание: От усмотрения Ат. Президента зависит сообщить эти донесения Кругам и в печать.

280. Для сметы расходов по Главной Военной Инспекции на предстоящий бюджетный год применяется весь установленный в ст. 273 Конституции порядок.

281. Главный Военный Инспектор и его уполномоченные вправе получать из Военного Министерства и Главного Военного Штаба и их установлений и от всех воинских частей все документальные справки и ведомости и личные объяснения, которые нужны Инспекции для исполнения ее обязанностей.

282. Военный Министр, Начальник Главного Военного Штаба и Главный Военный Инспектор, как равные по служебному положению высшие должностные лица в воинском управлении Казакии, которые, по свойству и задачам их обязанностей, должны согласованно работать, чтобы наилучше обеспечить должный высокий уровень военной мощи Казакии, обязаны, по предложению каждого из них, составлять, по мере надобности, совещания для совместного обсуждения вопросов, которые будут предложены на совещании.

Примечание: При единодушном согласии всех трех начальников, на такие совещания могут быть вызваны и их товарищи, прочие помощники, а также, как эксперты, и иные лица.

Отдел четвертый.

ОСОБОЕ ВОЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ.

283. При Союзном А.-Президенте организуется особое Военное Совещание, составляемое, в равных частях, Союзным Атаманом-Президентом (половина членов Совещания) и Войсковыми Атаманами (другая половина Совещания).

284. Военное Совещание составляется на два года, после чего личный состав его меняется в том же порядке. Это не исключает в каждом отдельном случае назначения в новое Совещание лиц из состава прежнего Совещания.

285. Общее число членов Совещания устанавливает Союзный Атаман-Президент, после чего он сообщает каждому Войсковому Атаману о числе подлежащих назначению от Области членов Совещания.

Число членов Совещания от каждой Области устанавливается пропорционально численности населения каждой Области.

Общее число членов Военного Совещания не может превышать 60 человек.

286. Совещание обсуждает все предложенные военным министром, начальником Главного Военного Штаба и Главным Военным Инспектором законодательные проекты по военным делам.

287. Совещания созываются Союзным А.-Президентом обыкновенно два раза в год; по усмотрению Президента, могут быть также еще и чрезвычайные сессии.

288. По требованию половины членов Совещания ставятся, с согласия военного министра, на обсуждение и новые вопросы для законодательных предположений по военным делам.

289. Председателя Совещания для каждой отдельной сессии назначает Союзный Ат.-Президент; двух товарищей Председателя выбирает само Совещание; Ат.-Президент определяет очередь их старшинства. Секретариат для совещания, в равных частях, дают канцелярии военного министра и начальника Главного Штаба, под начальством назначаемого председателем Совещания лица.

290. Составленные Совещанием заключения по обсужденным им делам, вместе с заключением военного министра, начальника Главного Штаба и Главного Военного Инспектора подаются, по указанию Союзного Ат.-Президента, для законодательного одобрения: или в Союзный Круг, или в Верховный Круг.

В заседаниях Союзного Круга, или — соответственно — Верховного Круга по данным делам принимают участие кроме военного министра, с совещательным голосом, два избранных в совещании уполномоченных с правом слова вне очереди.

291. В чрезвычайных, не терпящих никакого отлагательства, случаях большой важности, для охранения безопасности извне, или внутри страны, Союзный А.-Президент вправе, непосредственно принять все необходимые меры военного характера, которые принадлежат к области законодательства.

О таких распоряжениях Атаман-Президент сообщает Союзному Кругу в ближайшей очередной или чрезвычайной его сессии, не позже одной недели по ее открытии.

292. Если применение этих распоряжений продолжается более 6 недель, Атаман-Президент обязан требовать созыва Союзного Круга не далее трех недель на чрезвычайную сессию для обсуждения этих мер. Без такого предложения со стороны А.-Президента, Председатель Круга по собственной инициативе созывает Союзный Круг на чрезвычайную сессию.

Примечание: Созыв такой особенной сессии отпадает, если в эти сроки без того должна собраться сессия Союзного Круга или Верховного С. Круга.

293. Союзный Круг может изменить или отменить такие (ст. 291) чрезвычайные распоряжения Союзного А.-Президента, а А.-Президент в таком случае сохраняет все соответственные права согласно ст. ст. 94, 96 и 100, равно и 148 Союзной Конституции.

ГЛАВА ІХ.

Чрезвычайные меры охранения безопасности в Казакии.

294. Принятие чрезвычайных мер для охранения безопасности внутри страны принадлежит Областным и Союзному Правительствам.

295. Для исполнения таких мер каждое Областное Правительство вправе временно отменить в полном или в частичном объеме действие Союзно-государственных законов о свободах граждан до размеров, определенных особыми Союзно-государственными законами. На срок больше одного месяца оно вправе продолжить эту меру только с согласия Союзного Совета Министров.

296. Областное Правительство, для усиления необходимых средств и силы, вправе призывать на помощь военные силы, расположенные на территории Области, о чем немедленно наискорейшим способом докладывает Союзному Атаману-Президенту.

297. По своему усмотрению, Союзный Ат.-Президент может распорядиться, как по просьбе Войскового Атамана, так и непосредственно, принять в распоряжение Союзно-государственного Правительства организацию и заведывание начатою Областным Правительством чрезвычайною охраною, с употреблением для нее войсковых частей, расположенных и в иных Облациях.

Областное Правительство в таких условиях обязано подчиняться всем распоряжениям, согласным с полномочиями Союзного Ат.-Президента.

298. Если такое участие со стороны Союзного Ат.-Президента будет продолжаться более 45 дней, а Областное Правительство через Войскового Атамана будет требовать отмены распоряжения Союзного Ат.-Президента, то С. А.-Президент в случае отказа в трехнедельный, со времени поступления этого требования, срок предлагает созвать Союзный Круг для разрешения вопроса о предоставлении начатою Союзной помощи Областному Правительству.

299. Союзный А.-Президент может, по предложению Совета Министров, в случаях угрозы для государственной или общественной безопасности, объявить положение чрезвычайной охраны того или другого разряда в одной или нескольких Облациях и без инициативы с их стороны, с временным приостановлением части или всех свобод граждан и с нужною дислокацией военных кадров по всей стране, не исключая первого срока службы в родной Облации (ст. 259).

Примечание: В случаях применения ст. 299 А.-Президент соблюдает все порядки, определенные в ст. 298.

300. Способы и меры чрезвычайной охраны, при вмешательстве Союзного А.-Президента, подробно определяются Союзно-государственным законом, а до этого времени зависят от собственного благоразумия Союзного А.-Президента.

301. Областные Войсковые Круги обязаны, с своей стороны, для своей Облации автономно составить закон о чрезвычайной охране, с разделением ее, по строгости применяемых мер, на отдельные ступени. Такой закон Войсковой Атаман официально сообщает к сведению Союзно-государственного Правительства.

302. Военные и гражданские чины, которые приводят в действие меры чрезвычайной охраны, ответственны за законность своих служебных действий и за благоразумность и целесообразность своих распоряжений, которые они предписывают в пределах предоставленного им свободного усмотрения.

303. Дела о таких незаконных действиях (ст. 302) подлежат суду высшей инстанции в Облации, если охрана находилась во время исполнения незаконного действия в заведывании Областного Правительства, и Высшему Союзному Суду, если охрана была в распоряжении Союзного Правительства.

304. Вопросы о неразумности и нецелесообразности распоряжений, которые ложатся исключительно на ответственность давшего обязующее распоряжение начальствующего лица, подлежат особой коллегии в составе шести членов, взятых по жребию от Высшего Союзного Суда, и 8-ми членов, взятых по жребию из числа депутатов Союзного Круга последней сессии Круга. Председательство в особой коллегии принадлежит старшему председателю Высшего Союзного Суда. Его заместителем есть старший председатель Союзной Кассационной Палаты.

Примечание 1: Производство в особой коллегии ведется согласно правилам об уголовном судопроизводстве.

Примечание 2: Решение коллегии по делу (как делу дисциплинарному) о виновности и с предложением меры дисциплинарного взыскания подается на усмотрение Союзного Атамана-Президента.

ГЛАВА X.

Управление иностранными сношениями Казакии.

305. Казакия есть вполне суверенное государство. Она совершенно свободно входит со всеми иностранными государствами в те международные сношения, которые по ее усмотрению в наибольшем размере желательны и полезны для безопасности страны и для развития всех культурных условий в жизни Казакии. Она может обличь, по своему усмотрению, эти сношения в такие точно оформленные правовые условия и на такие целесообразные сроки, по взаимному с другими государствами соглашению, и так, чтобы во всех случаях охранять суверенитет Казакии, ее безопасность и ее стремление к свободному развитию наибольшего благосостояния страны во всех отраслях ее жизни.

Казакия, при том, будет неуклонно выполнять требования тех природно-основных норм международного права, которые необходимы для обеспечения мирного сосуществования Казакии с другими государствами для их всех общей пользы.

306. Казакия будет, во всех могущих возникнуть случаях правовых конфликтов с другими государствами, миролюбиво поддерживать применение существующих ныне способов мирного улаживания и разрешения каждого конфликта, включительно третейского суда. И в таких видах, Казакия всегда будет готова и согласна со своей стороны подписывать международные договоры об арбитраже и согласительных комиссиях со всеми, идущими в этом навстречу, иностранными правительствами также на продолжительные сроки; и, также, международные договоры о взаимном нейтралитете и ненападении.

307. Особым законом будут определены условия и пределы пользования иностранными дипломатическими миссиями в Казакии особыми изъятиями от подсудности судебным, и от принудительных мер административных властей на территории Казакии.

308. При министерстве иностранных дел составляется особая юридическая коллегия из специалистов по теории и практике международных сношений, которая, при возникновении конфликтов между Казакией и правительствами других государств, обязательно дает свои мотивированные юридические заключения об условиях разрешения возникшего конфликта.

309. В подлежащих случаях, коллегия (ст. 308) обсуждает дело на совместной конференции с представителями заинтересованных в конфликте иностранных государств. Обязательность таких совместных международных совещаний может быть обусловлена соответственными международными договорами (ст. 306).

310. Славная по своей всегдашней военной доблести Казачья нация есть искренно миролюбива, но свою независимость и родную территорию будет защищать всеми средствами и силами против всякого, с чьей бы то ни было стороны покушения на нее.

ГЛАВА XI.

Союзно-государственные финансы.

311. Финансовые средства Союзного Государства Казакии на покрытие его государственных расходов составляют:

1. из денежных взносов каждой Области (ст. 25 С. Конституции), распределяемых ежегодно между отдельными Областями в определенных долях по соответственной справедливой расценке, принимающей в соображение численность населения, а также платежеспособность отдельных Областей по степени развития земледелия, промышленности и торговли;

2. из прямых и косвенных налогов разных наименований и таможенных пошлин;

Примечание: таможенные пошлины полностью принадлежат Союзной казне.

3. из доходов от Союзно-государственных регалий и монополий, промыслов и предприятий;

Примечание: При введении Союзом монополий на определенные предметы потребления часть чистого дохода от продажи этих предметов может быть передана Областям в их казну; вся общая сумма таких отчислений делится между Областями пропорционально численности населения каждой Области.

4. из поступлений от кредитных операций разного рода, включительно займов;

5. из поступлений от выпуска союзно-государственных кредитных билетов.

312. Взымаемые для казны Союза денежные сборы и натуральные повинности законом точно определяются во всех соответственных отношениях. Все требования по ним должны быть

закономерными. Споры против их незакономерности разрешаются в высшей инстанции, в судебном порядке, Высшим Союзным Судом.

313. К началу каждой очередной сессии Союзного Круга союзный Совет Министров вносит в Союзный Круг полный годичный бюджет доходов и расходов союзного государства Казакии, составленный по форме согласно утвержденным Кругом правилам.

Примечание: порядок обсуждения бюджета Союзным Кругом определяется общим регламентом Круга.

314. Принятый С. Кругом бюджет Союзный А.-Президент может представить, по своему усмотрению, полностью или частично, со своими соображениями, на окончательное разрешение Верховного Союзного Круга.

Примечание: ответ С. А.-Президента Союзному Кругу о неимении с его стороны возражений против принятого Союзным Кругом бюджета должен быть дан в 5-ти дневный срок, с детальной мотивировкою. Неопротестованные части бюджета тотчас вступают в законную силу.

315. Если показанные в бюджете доходы не покрывают принятых бюджетом расходов, то Союзный А.-Президент этим самым уполномачивается, в случае надобности, на совершение Союзно-государственного краткосрочного или долгосрочного займа на покрытие такого дефицита, на наивыгоднейших условиях, которые могут быть достигнуты по состоянию денежного рынка в самой стране и за границую.

316. На заключение Союзно-государственных займов, сверх тех, которые означены в ст. 315, Союзный Круг дает свое согласие большинством трех пятых голосов всех членов Круга.

Примечание: если, вместе с новыми испрашиваемыми займами, общая сумма союзно-государственных долгов превысила бы среднюю сумму поступавших союзно-государственных доходов последних законченных бюджетных трех лет, то для заключения каждого нового займа требуется согласие Верховного Союзного Круга.

317. Бюджет должен разделяться, как в части доходов, так и в части расходов на: доходы обыкновенные и доходы чрезвычайные, а также на: расходы обыкновенные и расходы чрезвычайные.

Примечание: В отделе „расходы обыкновенные“ должны быть особо выделены расходы обязательные: 1. для расчета по обязательствам (исключая займовых), 2. для выплат, на основании действующих союзных законов, по штатам и т. п. Этот отдел расходов не подлежит опротестованию А.-Президента.

318. Расходы по содержанию служебного персонала во всех Союзно-государственных учреждениях и на существующие и вновь учреждаемые установления, которые постоянно содержатся за союзно государственной счет, не могут быть покрываемы из чрезвычайных доходов.

319. Для порядка погашения и уплаты процентов по займам разрешивший их Союзный Круг, и, в соответственных случаях, Верховный Круг, утверждают подробный план.

320. Соответственный Круг может окончательное для каждого отдельного займа составление плана, полностью или в части, поручить Совету Министров с Атаман-Президентским утверждением.

321. Дополнение к бюджету расходов и доходов могут быть делаемы и в продолжении бюджетного года, соответственно, Союзным Кругом, или Верховным Кругом.

322. Все расходы производятся из союзно-государственного казначейства только согласно бюджета за данный год, который есть обязательен для всех учреждений.

323. За каждый оконченный бюджетный год министр финансов представляет Совету Министров:

отчет по произведенным, согласно бюджету, расходам и возможным, согласно распоряжения Союзного А.-Президента, перерасходам с исчерпывающим объяснением оправдывающих перерасходы причин; и

подсчет поступивших доходов и недоимок по счету отдельных предыдущих лет.

Г Л А В А XII.

Контроль Союзно-государственных финансов.

324. Одобренный Советом Министров отчет министра финансов передается Союзно-государственному Контролеру для проверки. Государственный Контролер, в подведомственном ему союзном контрольном управлении, исполняет проверку по всем подлежащим документам и, по мере усмотренной надобности, по исполнению за счет казны работам и покупкам.

325. Обо всех значительных хозяйственных работах и покупках каждое министерство, по своему ведомству, извещает своевременно контроль, который, исключительно для контрольного наблюдения, может назначить контролеров на такие работы; они вправе присутствовать при всех

стадиях тех работ и расчетов за них. Контролю не принадлежит право каких-либо распорядительных функций на тех работах или расчетах.

Примечание: И независимо от означенного здесь уведомления, Контролер вправе назначить контрольное наблюдение на хозяйственных работах, производящихся за счет казны.

326. О замеченных неправильностях, убыточных для государственного хозяйственного интереса, Государственный Контролер уведомляет соответственного министра.

327. На уведомление Государственного Контролера министр обязан прислать Контролеру ответ о своих подлежащих по данному делу распоряжениях.

В случаях чрезвычайной важности, Государственный Контролер, если сочтет ответы министра неудовлетворяющими важных государственных интересов, докладывает свои соображения по делу Председателю Совета Министров, который обязан прислать ответ о своих соответственных распоряжениях или соображениях.

Примечание: По всем встреченным со стороны Контроля неясностям в отчете правительства Союзно-государственный Контролер имеет право непосредственно требовать дополнительных объяснений также непосредственно от подлежащих учреждений, подчиненных министрам.

328. Союзно-государственному Контролеру дозволяется, по своему усмотрению, по окончании всех означенных в ст. ст. 326 и 327 сношений, по предварительному сношению с председателем Совета Министров, официально опубликовать отчет о ходе каждого такого дела.

329. Государственный Контролер, равно как и могущие быть начальники местных отделений контроля, имеют право во всякое время ревизовать кассы и денежную отчетность во всех Союзно-государственных учреждениях. О произведенных ревизиях и их результатах Государственный Контролер сообщает подлежащему министру.

330. Подробные правила для производства ревизий и наблюдений контроля согласно ст. 324 и след. определяет особый регламент (статут, ст. 338).

331. Союзно-государственный Контролер представляет полный доклад о произведенном контроле по исполнению союзно-государственного бюджета Союзному Кругу не позже одного года со времени получения бюджетного отчета от Совета Министров. Одновременно он сообщает копию этого доклада Совету Министров. Последний подает Союзному Кругу, поскольку он считает нужным, свои объяснения на замечания в отчете контроля.

Примечание: В своем отчете Контролер отмечает все, что он считает нужным в интересах упорядочения финансовой и народно-хозяйственной деятельности Союзно-государственного Правительства.

332. Союзный Круг, рассмотревши контрольный отчет и ответы Совета Министров на него, признает, или не признает правильными финансовые действия правительства за обревизованный контролем отчетно-бюджетный год и, в случае признания неправильными, целиком или в частях, постановляет или сложить с Правительства, соответственно с данных виновных лиц, ответственность за те неправильные действия, или требовать с них возмещения причиненных их действиями убытков для казны, в подлежащем законном порядке.

Примечание: Постановления Союзного Круга по настоящей статье не подлежат никакому опротестованию или обжалованию.

333. Союзно-государственный Контролер стоит, как главный начальник, во главе всего Союзно-государственного финансового контроля.

Он избирается Верховным Кругом на 7 лет из числа кандидатов, которых предлагают Войсковые Областные Круги (Рада). Кандидаты должны быть не моложе 35-лет, быть гражданами Казакии и иметь законченное высшее образование.

Союзно-государственный Контролер пользуется денежным жалованьем наравне с Председателем Совета Министров и, по избрании на новое семилетие или по выходе в отставку до окончания срока, по достижении предельного возраста или по серьезной болезни, получает пенсию в размере половины среднего оклада жалования из бывших за последние три года службы.

Примечание: Союзно-государственный Контролер не может занимать какой-либо иной службы, ни публичной, ни частной, и не может быть депутатом в Кругах.

334. Дисциплинарной ответственности Союзно-государственный Контролер не подлежит. За преступления и проступки по службе он подсуден наравне с министрами.

335. Союзно-Государственного Контролера может сместить с должности Верховный Круг постановлением, принятым двумя третями голосов всех членов Круга по инициативе или Союзного Ат.-Президента, или двух Войсковых Кругов (Рада), или одной третьей части всех членов Верховного Круга; все инициаторы должны точно указать причины для своих предложений.

Если предложение инициаторов будет принято Верховным Кругом, то последний отдельно решает простым большинством голосов (+10) присутствующих в собрании членов Круга вопрос о предоставлении увольняемому Контролеру пенсии и о ее размерах.

336. Служебный персонал по Союзно-государственному контролю назначается на должности Союзно-государственным Контролером при соблюдении законом установленных условий о гражданстве, оседлости, служебном и образовательном цензе и пропорцию принадлежности кандидатов к отдельным Областям, как и о рекомендации со стороны Войсковых Кругов (Рады).

337. Дисциплинарное производство для всех этих служащих, в подлежащих случаях, организуется под надзором Союзно-государственного Контролера отдельно в этом ведомстве, без вмешательства со стороны других ведомств. Подсудность персонала по финансово-контрольной службе за общие преступления и проступки по службе определяется общими законами о подсудности должностных лиц прочих гражданских ведомств.

338. Внутренняя организация Союзно-государственного Контроля и порядок в исполнении ревизий определяется особым регламентом (статутом), проект которого Союзно-государственный Контролер представляет на одобрение Союзного А.-Президента. Если между ними соглашение не состоится, то пункты разногласия подаются на окончательное разрешение комиссии в составе 14 человек, избранных Союзным Кругом, в равном количестве от отдельных Областей.

Таким же порядком производятся и все изменения и дополнения в этом регламенте (статуте).

339. Союзный Круг может постановить об изменениях в существующем статуте (ст. 338) в обыкновенном законодательном порядке.

В случае несогласия Союзно-государственного Контролера с такими изменениями, он может предложить Кругу пересмотреть свое постановление. Круг большинством трех пятых голосов может оставить в силе свое предыдущее постановление. В противном случае оно отпадает.

340. Все несогласованности в статьях статута с Союзною Конституциею и другими правосильными законами могут быть опротестованы в общем порядке, наравне с тем, как и противные этим правовым основам распоряжения прочих административных властей.

(Окончание следует).

Шамба Балинов.

Чем стало Казачество.

(Продолжение).

Раньше „основами неписанного Донского казачьего права были: народоправство, самоуправление, свободное использование естественных богатств, политическая и гражданская свобода“. А в эпоху т. н. государственной, а потом областной автономии, наступившей после петровского подавления казачества, эти основы казачьего права были совершенно уничтожены, а если какое из них осталось, то уже только в порядке монаршей милости, „царских жалованных прав и привилегий“, „узаконяемое“ пышными и многословными „дарственными грамотами.“

Все же некоторые моменты из этого периода отметить следует, чтобы показать, что и под этим тяжелым русским прессом у казаков мысль о независимости постоянно жила, облеченная в разные моменты в различные формы. Само собой разумеется, что от этого периода казачьей народной массе ничего хорошего не досталось. В это время уже не было выборного Атамана. Атаман стал совершенно независимым от Войскового Круга и власть свою делил только с „войсковой старшиной“. Но атаман, хотя и делил „свою власть со старшинами, но и он и старшина, в равной мере, стремились свести к нулю значение Круга. Степан Ефремов перестал считаться и со старшиной“... „Так вдали от Петербурга, от глаз Военной Коллегии, развивалось самодержавие атамана“ (Св.).

Это атаманское самодержавие было настолько велико, что Атаман Данила Ефремов (1738—1753), добровольно покидая пост атамана, просил центральную власть назначить его сына, Степана, атаманом по наследству. И указом Елизаветы от 8 мая 1753 г. Степан, действительно, был назначен Войсковым Атаманом. Но тем же указом награждался и сам „Данила Ефремов, за многие его верные службы, чином армейского генерал-майора, под которого командой, доколе он жив, должен быть сын его, Войсковой Атаман, Степан Ефремов, со всем Войском Донским“ — гласит указ.

Назначенный царским указом Войсковой Атаман, находящийся в пожизненном подчинении армейской

генерал-майора, в стороне находящегося — положение поистине курьезное! Как быстро был извращен смысл Войскового Атамана, недавнего выборного главы независимого Донского государства! Впрочем — „история повторяется“. Ныне, не назначенный, а выборный Донским парламентом Атаман, сам обратился в пожизненного и добровольно лезет в подчинение армейскому-генералу...

А как эти самодержавные Атаманы управляли Доном, хорошо рисует Серебряков в своем донесении в Петербург: „Войско Донское пришло в наиведнейшее состояние и крайнее разорение от наглого нападения, неутомимого лакомства и нестерпимого насилия атамана Данилы Ефремова. Посылаемые от него старшины и прочие его люди, вверх по Дону, Донцу, Медведице, Хопру, Бузулуку и во всех станицах делают великие притеснения; станичных атаманов и казаков немилосердно бьют понапрасно и берут большие деньги, которые делают с атаманом, отчего почти все станицы сильно задолжали, бедные казаки принуждены юрты (земли) свои, сенокосы и прочие угоды заложить у старшины с большими процентами, и горько все плачут, не имея ни откуда защиты. Старшины не только имения, но и законных жен у бедных казаков отнимают...“

Трудно сказать, кто лучше — московские ли правители, казачью свободу убившие, или свои же казаки, самодержавные Атаманы, „добрых сердец казаки“, своих же братьев „немилосердно бьющие“ и „законных жен у них отбирающие“? Можно сказать — два сапога — пара. Также трудно назвать такое положение „областной казачьей автономией“. Скорее всего его можно назвать старшинско-атаманской автономией, которые, действительно, от желания и воли своего народа были независимы, а от своих петербургских хозяев далеки.

И тем не менее, даже к такому верноподданному Атаману, как Данила Ефремов, не было доверия у русских. Когда в 1743 г. он начал постройку каменных

стен вокруг Черкаска, то Петербург встревожился, усмотрев в этой его затее подготовку к „провозглашению независимости Дона“ и определенно выразил это свое „недоверие к Дону и боязнь Донского сепаратизма“ (Св.).

Но и под этим двойным давлением — Атаманов-сатрапов и царского самодержавия — древние казачьи народные устои, древние казачьи обычаи — равенство всех, всенародная выборность, память о государственной независимости — научно-философски необоснованные, на бумагу не занесенные, находившиеся скорее в степени инстинкта казака, чутья, но раньше в жизни Дона имевшие силу непререкаемого закона, — все эти старые традиции, не умирая, в каких-то тайниках казачьей души, сердца, под спудом жили, при всяком удобном моменте и в разное время выявляясь наружу. Именно поэтому, каждая, даже призрачная возможность, сулившая восстановления этих традиций убитой казачьей независимости вызвала в Казачестве большой энтузиазм, породила сильные волнения.

А до наших дней, до революции 1917 года, эта любовь казаков к казачьему древнему обыкновению, чувство казачьей особенности поддерживалась и хранилась той единственной оставшейся у казаков „одной привилегией“ — поголовной и почти пожизненной службой в своих отдельных казачьих частях, и отчасти местным станичным, хотя и сильно урезанным самоуправлением.

Этой любовью казаков к „древнему казачьему обыкновению“ и тем основным казачьим чувством, о котором молодой казачий поэт, Петр Крюков, говорит, что

Нам братство, равенство, свобода
Знакомы целые века,
Мы — дети вольного народа —
Гордимся Краем казака —

иногда пользовались Атаманы-сатрапы в своей борьбе с Петроградом за свою атаманскую власть над казаками.

Во второй половине XVII ст. (1772) на Дону возникло серьезное движение во главе с Атаманом Степаном Ефремовым; на Яике еще более серьезное движение, потрясшее было основу самой Империи, во главе какого движения стоял „донской казак, из предсавителей мелкой старшины, хорунжий Емельян Пугачев (Зимовейской станицы)“. И тот и другой играли на большой струнке казачьей души — на стремлении казаков освободиться от власти Петербургских чиновников, к восстановлению свободы, братства, казачьей независимости, или, по словам проф. Сватикова, „в обоих случаях, для казачества дело шло о борьбе за автономию, за сохранение прежних республиканских вольностей и личной свободы“.

А Степан Ефремов „был не выборным, а назначенным сверху Атаманом, вернее, получил свое звание по наследству, милостию верховной власти. Сам он подавлял, подобно отцу своему, не только остатки народоуправства, в лице Круга, но и аристократическое управление Совета старшин. Ставши наследственным самодержцем Края, он вступил в борьбу с царским самодержавием не во имя народных прав, а во имя своего самодержавия, своей личной независимости от всероссийской власти. Эта была борьба за автономию сатрапа, а не народа. Но Степан Ефремов сумел использовать автономистские стремления Казачества и желание его отстоять личную свободу от попыток введения на Дону „регулярства“ и от закрепощения. Это выступление его в защиту Казачества едва не повело к восстанию на Дону против России и создало ему славу „мученика“ за свободу Дона не только среди современников, но и среди позднейших донских историков“ (Сватиков).

Такая идеализация Степана Ефремова казачьей народной массой лишней раз свидетельствует о той постоянно жившей беспредельной любви Казачества к своей независимости, ибо оно за одно только выступление вместе со своим народом против Петербурга в борьбе под флагом за казачье право — готово было просить Ефремову все его прегрешения в качестве

атамана-сатрапа и, прошив, хотело возвести его в на родного казачьего героя.

А руководитель движения на Яике, Пугачев, по словам проф. Сватикова, „совершенно отчетливо выразил в своих манифестах чаяния Казачества, но, принявши на себя имя Петра III, построил свое дело на обмане, погубившем и его самого и дело Казачества“.

Таким образом, „чистая идея этой (казачьей) борьбы была искажена в обоих случаях“ и оба героя движения кончили свою жизнь плохо: Степан Ефремов, угрожавший Петербургу „провозглашением независимости Дона и союзом с горцами и татарами против России“, но не сумевший использовать вызванный этим его заявлением подъем и энтузиазм казаков и в бездействии выжидавший, внезапно, в ночь на 9 ноября 1772 г. был схвачен командой драгун, военным судом в Петербурге приговорен к смертной казни через повешение. 14 марта 1773 г. смертная казнь была ему заменена вечной ссылкой, где он и умер (Таганрог).

Что же касается Пугачева, то он был казнен, а „для совершенного забвения сего (пугачевщины) на Яике“, Екатерина указом своим приказала переименовать Яик в Урал. После подавления Пугачева, Екатерина произвела „реформы, в силу которых Яик и др. казачьи Войска вошли в полное подчинение Потемкина, генерал-губернатора Новороссийской губернии. Указом 15 фев. 1775 г. Екатерина II для управления Доном учредила „Войсковое Гражданское Правительство“, должностовавшее „приблизить гражданское управление Дона к общеимперскому губернскому типу“ и находившееся в полном подчинении Потемкина, который „считал себя вправе увольнять атамана Войска Донского и назначать ему преемника“. В полном соответствии с созданным к этому времени на Дону общим положением, приобрели право гражданства такие выражения, как „Главкомандующий Войском Донским“ (Потемкин), или „Командующий над Войском Донским Войсковой Атаман со всем Войском Донским“, как подписывал наказанный атаман Иловайский свои „покорнейшие рапорты“.

Одним словом, время правления Екатерины II было периодом окончательной ликвидации всех признаков казачьей автономии. В конце-концов, по словам проф. Сватикова после постоянных урезок и ограничений, „по иронии судьбы, все почти черты автономии были уничтожены в период Империи; одна лишь одиозная привилегия — служба за свой счет, со своим конем и снаряжением, пожизненно и поголовно — была сохранена за казачеством до самой великой революции“.

„В том же самом акте 14 февраля (1775) было положено основание юридическому признанию прав дворянства за казачьей старшиной Дона“; „взявши в свои руки назначение в чины, центральное правительство стало жаловать чин войсковой старшины юношам 21 года, а затем даже грудным детям наиболее отличившихся старшин“, вследствие чего именно „в эпоху 1775—1797 г.г. Донское Казачество испытало наибольший гнет именно со стороны своей на половину одворяненной старшины“ (Св.).

Проф. Сватиков в своем труде, с полным знанием вопроса, напишет: „какова была плата централистического самодержавия казачьей старшине за потерю Дonom его автономии“.

За всем тем, какие бы репрессии не позволяла, как бы жестоко не поступала центральная власть с казаками, на Дону волнения не прекращались. В 1792 году на почве переселения донцов на Кубань возникло серьезное движение. Центральная власть решила „о населении на Кубань 12 станиц донскими казаками в числе 3000 семей. В это время на Кубани находились шесть донских полков, заканчивавших трехлетний срок службы на Линии и собиравшихся уже на Дон. Этих людей, истосковавшихся по родному краю, решили расселить на Кубань по 12 станицам и „выслать“ к ним с Дону семьи, т. е. разорить все обзаведение этих казаков, оторвать их на веки от родины“.

Начались волнения. Во главе движения стали Никита Белогорохов и Фока Сухоруков. Три полка — Поздеева, Луковкина и Кошкина, — взявши полковые знамена, без своих полковников и старшин, двинулись на Дон, явились неожиданно в Черкасск и потребовали у

Иловайского отчета „за что он отдает их на поселение“ (Св.).

Но центральная власть справилась с волнением, а воинский суд постановил: „Белогорохова и Сухорукова „наказать кнутом“ в крепости св. Дмитрия, в присутствии делегатов от их родных станиц и, заклеивши, отослать их в Нерчинск, в вечную ссылку, что и было исполнено“ (Св.).

Подавив волнение, Екатерина все же не отказалась от мысли переселения казаков на Кубань и прислала новую свою грамоту, но уже не с назначением, а с предложением, чтобы станицы сами сбором назначили переселенцев. Но и это смягченное требование казачеством было воспринято, как „нарушение исконного его права: вольные граждане донской колонии должны были покинуть родной край и превратиться в невольных колонистов новой окраины!“ (Св.).

Начались новые волнения. „Станицы Есауловская, Кобылянская, Верхняя и Нижняя Чирская и Пятиозбнянская огрешили от должности своих станичных атаманов и подписных стариков, а на место их выбрали новых, дали клятву друг друга не выдавать. Сами станицы были укреплены, вокруг них поставлена была стража. Затем разослали грамоты в другие станицы, приглашая их стоять за одно. Собравшись затем в Есауловскую станицу, казаки восставших станиц заявили, что они о переселении и слышать не хотят: земля свои они заслужили кровью и кровью же защищать их станут. На весну они собрались идти на Черкасск, забрать все „регалии“ и выбрать другого Войскового Атамана. Запахло Булавинским духом“ (Св.), когда воскрес тот неискоренимый казачий дух, который выражен хорошо в словах казачьего поэта И. М. Назарова:

В моей стране закон и дух завета в нем:

Кто любит степь, отчизну и свободу,

Тот должен в дар казачьему народу

И голову сложить в степи под ковылем.

Движение стало принимать широкие размеры. Центр встревожился. Екатерина послала на Дон регулярные войска. Ей на помощь пришли свои же казаки против своих братьев: „одна тысяча казаков под командой ген. Д. Мартынова и три тысячи казаков под командой ген. М. И. Платова были назначены усмирять восстание“.

В результате: „были закованы в кандалы 48 старшин и 298 казаков, как „главные бунтовщики“. „Менее виновные“, в количестве 1645 человек были наказаны плетью... тринадцать человек были наказаны нещадно кнутом с вырезыванием ноздрей и поставлением на лицах знаков. Полковой десал Ив. Рубцов, „яко главный виновник“, получил 251 удар кнутом и вырезывание ноздрей, причем скончался в тот же день. 146 человек были жестоко биты кошками“. Кроме того, из этих 146 чел. были выбраны по жребию по одному от каждой станицы старшины, а из рядовых казаков каждый десятый, и сосланы в ссылку... Священник Федоров и дьякон Донсков были лишены синодом сана“...

Но дело этим жестоким подавлением не кончилось. На Дону волнения подавили, но услышав об этой жестокой расправе с казаками казачьи полки, стоявшие в Крыму, заволновались и стали уходить на Дон большими партиями. Тогда, опасаясь повторения только что подавленного, предупредая события, кн. Щербатов, „не делая дальнейших исследований“, подверг до пяти тысяч казаков наказанию без суда в тех верхних станицах“ (каковы были эти наказания, догадаться, конечно, не трудно!), а „наказный атаман ген. Д. Маргынов, заменявший войскового атамана Иловайского, бывшего в Петербурге“, „по учинении наказания, учредил во всех тех („волновавшихся“) станицах, в каждой „станичное начальство“, т. е. вместо выборных станичных атаманов ввел в станицах систему назначенных атаманов!

Центральная власть не ограничилась этой бесчеловечной расправой с казачьей „крамоллой“, с мирными казачьими станицами; она не была уверена, что дух казачьего сопротивления окончательно сломен, она „всюду искала в колонии влияния со стороны духа сепаратизма“, а потому ею „часть регулярных войск была расставлена на Дону на постой, в порядке кара-

тельном и предупредительном; другая же часть выведена из территории Войска, но сосредоточена у крепости св. Дмитрия „на всякий непредвиденный случай“ (Св.).

Воздвигшись на престол, Павел I, „из ненависти к памяти матери“ и „объединительной деятельности“ ее фаворита, Потемкина, восстановил было на бумаге донскую автономию и в своем указе к казакам от 6 июля 1797 г. писал: „что же касается до вкравшихся злоупотреблений и сделанных перемен князем Потемкиным, то вам (казакам) надлежит первые искоренять“ и сохранить в целости „совершенно и без изъятия все прежде бывшие постановления Войска Донского“. Но это были только слова, бумага, а на деле было не так, ибо назначенный тем же Павлом I наказный атаман ген. Вас. Орлов „и не думал о правах Круга и Казачества, о возрождении донского народовластия. Он восстановил, и весьма тщательно, старшинское правление на Дону, каким оно было к 1775 году... Круг попрежнему остался декорацией, парадом, лишенным всякого политического значения“ (Св.).

При Павле I донские старшины получили, наконец, (22 сентября 1798 г.) вожделенные права дворянства и эти новоиспеченные дворяне из казаков, м. б., сами не ведая того, создали то дело, которое и до наших дней является Ахилесовой пятой казачества. Именно: они, захватывая у Войска и станиц большие участки земли, создали ужасающую земельную черезполосицу, а потом, развив колоссальную энергию по привлечению на „свои“ земли крестьян, чтобы иметь дешевые рабочие руки, создали ужасающую земельную черезполосицу, а потом, развив колоссальную энергию по привлечению на „свои“ земли крестьян, чтобы иметь дешевые рабочие руки, заселяя ими „свои“ участки, создали (во всяком случае сильно способствовали) то неказачье „большинство“ на казачьей земле, которое в недалеком прошлом, в борьбе Казачества с большевизмом, сыграло роковую роль, и которое ныне является главным „аргументом“ против самостийников и у наших противников из казаков!

По поводу этой захватнической деятельности казачьей старшины академик Палас напишет: „преимущества и отличия, слишком легко пожалованные с недавнего времени старшинам, сделали их высокомерными и надменными... они основывают поселения, наполненные бродягами, привлекаемыми приманкой добычи на прекрасных землях... они изыскивают все средства для угнетения беднейшего казачества... казаки не получают того, что им причитается. Рождающееся отсюда неудовольствие, которое старшины рассматривают, как неповиновение и мятеж, служит для последних (старшин) предлогом для еще более сильного угнетения казачества. Благодаря этому, народ этот (казачество), по природе своей добрый, несмотря на свою конституцию, находится во все более возрастающем иорабощении со стороны аристократии своих вождей“...

Но несмотря на все эти притеснения, а, м. б., именно погону, и при Павле I имело место на Дону „сепаратистское“ движение, связанное с именем гвардии полковника Евграфу Осиповичу Грузинова, „сперва близкого к Павлу человека“, который „подвергся внезапно опале, был сослан на Дон, затем не менее внезапно схвачен, судим и казнен“ (5 сентября 1800 г.).

По свидетельству историков, „Грузинов проникнут был идеей донской независимости“. Он искренно недоумевал и „просил растолковать ему: почему он Российского императора подданный“... Грузинов являлся выразителем идей „твердых убеждений, которые прощолжали существовать на Дону в среде казачества“, которые, по свидетельству русских официальных документов, „завсегда и обыкновенно бывает в предубеждениях упорно и старинных обыкновений и обрядов держится до иступления“, или, по рассуждению Государственного Совета, „воинский их (казаков) состав, дух народный, права и обычаи всегда полагали сильные сему препятствия“, т. е. казачий народный дух препятствовал слиянию казаков с „прочими обывателями“ России.

В этом новом „сепаратистском“ деле пострадал не только сам Грузинов. „Не менее серьезные были результаты дела и для „недоносителей“. Дяде Грузинова, войсковому старшине Афанасьеву и трем казакам: Касмынину, Попову и Колесникову отрубили головы за „недонесение“. Брата же Евграфу, Петра Грузинова еще

раньше били кнутом жестоко, вырвали ему ноздри и наложили знак, и сослали в Сибирь" (Св.).

Как видите, Москва и Петербург, всегда и во все времена, в отношении Казачества знали только одно средство: кнут, розги, вырывание ноздрей, накладывание на лица знаков, ссылка в Сибирь, сажание на кол, вздергивание на колесах, рубка казачьих голов... Всюду — кровь, кровь и кровь...

Примерно в это же самое время пострадал и М. И. Платов, который был также заподозрен Павлом I в сепаратизме, внезапно схвачен, сослан в Кострому, и не менее внезапно переведен в Петропавловскую крепость. Оггуда также внезапно потом был освобожден, награжден командорским крестом ордена св. Иоанна Иерусалимского и „произведен“ в походные атаманы Войска Донского. Само собой разумеется, Платов сепаратистом не был. Мало того: „он не только был верным исполнителем велений центральной власти, но и сам сильно способствовал уничтожению остатков автономии, приближению к общегубернскому типу“. Но он был казаком и употреблял в разговорах выражения: „Донской край“, „границы Войска Донского“, а для русской власти к этому времени уже и эти невинные слова были достаточным поводом, чтобы автора их брать под подозрение.

Уже одно это обстоятельство может служить ярким показателем — чем к этому времени стал некогда свободный, независимый Дон. К этому времени, по словам проф. Свагикова, Войсковой Круг уже был „превращен в какое-то церковно-войсковое поминание почивших монархов“. А высочайшее повеление от 22 августа 1810 г. о Войсковом Круге уже говорит, чтобы „Войско Донское в воспоминание высокомонарших милостей, ему дарованных, продолжало делать по древним своим обычаям церемонию единожды в год, в день св. Александра Невского, составлением воинского (не Войскового!) круга с выносом регалий и вычетом в оном круге высочайших грамот-привилегий Войска, за отличную службу оному дарованных“.

За „отличную службу“ казаков им даруют „щедрую грамот-привилегий“, хранящихся в музее! И казаки, чтобы почувствовать себя счастливейшими людьми на свете, чтобы наполнить свои сердца радостью и благодарностью — должны „единожды в год“ прочитывать свои „привилегии“!

Ген. М. И. Платов, в свое время заподозренный Павлом I в сепаратизме, позже Александром I был назначен Войсковым наказным Атаманом. В его атаманство на Дону были проведены мероприятия к приближению донского управления к общегубернскому типу и донские казачьи дела были распределены по соответствующим министерствам (позже были снова сосредоточены уже не в иностранной, а в Военной Коллегии, военном министерстве); при нем была основана новая столица Дона — Новочеркасск (1804); Платов окончательно прекратил участие рядового казачества в каких-либо выборах администрации; он создал на Дону (узаконил) дворянское сословие и, по словам проф. Свагикова, „посильно способствовал дальнейшему расширению войсковых запасов „чиновниками“ Войска“. В результате — в руки немногочисленных фамилий — старшин перешла экономическая и социально-политическая власть на Дону. При Платове же „стоявшие в Москве и Петербурге казачьи полки стали употребляться, как конная полиция“.

Донской казачий полк, стоявший в Казанской губернии, обратили на сопровождение колодников и поселенцев“. Когда по ходатайству командира Огдельного Грузинского корпуса, ген. Ермолова, срок службы казачьих полков в Грузии был увеличен до 4-х лет (раньше два года), то Платов счел за благо ходатайствовать для казаков „царскую милость“, чтобы и на всех других границах казачьи полки служили 4 года (раньше 3 года), чтобы „уравнять тяготы службы для всех казаков“. При нем же (1802) издан был имперский закон о казачьей службе, согласно которого „казак мог просить об отпуске через тридцать лет службы, и не менее как через 25 лет. Офицер же не мог уйти раньше 15 лет“.

Естественно, в результате всех этих мероприятий

центрального правительства и недопустимого отношения казачьей старшины к положению и нуждам казачьей народной массы, последняя очутилась в тяжелом положении. Об этой ужасающей нужде объективный иностранец, Де-Романо, пишет, что „бедные, рядовые казаки, составляющие истинную основу этой нации, выпрашивали оружие и снаряжение по станице, не имея ничего этого, в то время как все имущество, скот, земли и крестьяне были поглощены весьма ограниченным числом лиц... Что „в массе казачий народ подавлен нуждой, в которой он находится, в то время, как несколько десятков богачей все поглощали и присвоили себе крестьян, лучшие земли, самые выгодные берега рек и притоков и т. д., и т. д., одним словом все возможности и всю власть“... И он, Де-Романо, предвидел взрыв, „который разрушит то, что кажется наиболее непоколебимым“. Эта казачья нужда была настолько ужасающая, что когда приехал на Дон ген. Кнорринг для „ревизии“, то он, по словам Де-Романо, был встречен казаками, „как если бы он был спасителем казачьей нации“... Как видите, понятие „казачий народ“, „казачья нация“ совсем не является „измышлениями“ вольных казаков, а давно оно зафиксировано в исторической литературе.

Находясь в таком ужасающем положении, Дон принял участие в войнах 1812-1815 годов.

„В эту эпоху все мужское население Войска выступило в поход, в возрасте от 15-ти до 60 лет. Казачество выставило 60 тыс. человек... Донцами было взято более 30-ти знамен, 546 пушек и до 70.000 пленных“, а „оставшиеся на Дону — сущие старики, жены и дети — наполняли воздух стенанием и воплем“ — пишет Войсковой Атаман А. К. Денисов, заступивший Платова, умершего в 1818 году. Большинство казачьей старшины, строившее свое счастье и благополучие на несчастье своего народа, конечно, было очень довольно этим подвигом казачьим, ибо за эти подвиги оно получило чины, ордена и высокие титулы, а само Казачество за „наполнявшие воздух стенания и вопли“ детей, стариков и многострадальных казаков и за пролитую на полях Европы казачью кровь — получит „грамоту-привилегию“ „благодарного отца“ России, с тем, что „единожды в год“ прочитывать эту грамоту, извлекая ее из музея!

Войсковой Атаман Денисов, увидевший эту ужасающую казачью нужду, являющуюся прямым следствием неограниченного произвола „войсковой старшины“, вздумал установить твердые правила, способные пресечь старшинский произвол, пожелал создать „свод донского исторического (обычного) права, сохранив всю древность их (казачьих) установлений“, для выработки чего просил центр об учреждении особой казачьей комиссии. В результате его инициативы, был создан т. н. „Чернышевский Комитет“ 1819 года. К этому Комитету донское дворянство, по характеристике Броневского, — „даровые полицеймейстеры“, — а также и к его инициатору, ат. Денисову, отнеслось враждебно, видя в нем, Комитете, угрозу уничтожения всех своих преимуществ.

Так протекала борьба между донской аристократией и народной массой, на сторону которой на этот раз стал Атаман Денисов, понявший всю безисходную нужду казачества. Интересна в этот момент „тактика“ центрального правительства, высказанная устами члена Гос. Совета ген.-ад. Васильчикова, который в своем донесении царю пишет: „несогласие, ныне между ими (донскими дворянами и казаками) существующее, по мнению моему, полезно для правительства; напротив, как единому духу в войске столь многочисленном, необразованном и отдаленном от должного наблюдения, может иметь невыгодные последствия“...

При таком подходе центральной власти к вопросу, никакого толка, полезного для казачества, от созданного Комитета, естественно, не могло получиться и, действительно, ничего и не получилось, за исключением того, что возникли на Дону крестьянские волнения, по обыкновению сурово подавленные, а сам Атаман Денисов вынужден был уйти (27 янв. 1821 г.), уступив место вновь назначенному Атаману Иловайскому.

(Окончание следует).

Книгочий.

Основные черты и типы в творчестве Ф. Д. Крюкова.

Любовь к родному Дону является преобладающей чертой в творчестве Ф. Д. Крюкова. За нею непосредственно следует интерес к национальной проблеме, к взаимоотношениям между державной „русской народностью“ и „инородцами“ б. российской империи.

Постараемся внимательно и подробно остановиться на этих двух моментах творчества покойного донского писателя.

I.

В рассказе „Из дневника учителя Васюхина“ („Русское Богатство“, 1903) приводится ряд записей из дневника в ранней молодости умершего от чахотки станичного учителя Васюхина. Рассказ ведется от имени учителя, назначенного по смерти Васюхина в ту же школу. Школьный сторож показывает новому учителю рукописи, оставшиеся в комнате Васюхина после его смерти: „Алексей Егорыч, покойничек, писать был большой любитель“...

В „Дневнике“ Васюхина находим типичные „крюковские“ думы и мечты о славном прошлом и тусклом настоящем Дона.

Лунная ночь в станице описана Васюхиным ярко и образно: „Какая красота во всем! Даже крытые соломой казацкие курени с своими побеленными стенами под блеском месяца кажутся мраморными дворцами... И какая грусть на сердце“...

То, что Васюхин записывает в дневник о казацких песнях вполне точно совпадает с тем, что Воротынский в своих воспоминаниях, помещенных в свое время в „Вольном Казачестве“, пишет о любви Крюкова к донским песням: „Я люблю слушать наши казацкие песни, люблю сам петь те из них, которые знаю. Одно время я собирал и записывал их. Напев их несколько однообразен и уныл, но характерен, оригинален и замечательно гармонирует с нашей монотонною степью и странною казацкой жизнью. Что-то близкое сердцу, непонятно грустное слышится мне всегда в переливах этих песен, воспевающих широкую шлях-дороженьку, мать-дубровушку, речку лазоревую, орлов сизокрылых, тоску на чужбине. Когда я заслышу их, то всегда не утерплю, чтобы не подойти к кругу“.

Васюхин в родной станице остро сознает свое одиночество, оторванность от казацкой среды — слабый здоровьем, книжный интеллигент, он чувствует себя чужим среди веселой и здоровой станичной молодежи: „Я сам родился и вырос в простой казацкой семье. Отец мой пашет землю. Когда я был поздравее, я помогал ему летом в полевых работах, теперь не могу. Я знаю казацкий быт; я люблю народ свой, среди которого я вырос и которому служу, мечтаю об его счастье, скорблю о нем сердцем; я — сын народа, смело могу это сказать... И тем не менее, я неизменно и постоянно чувствую, что что-то отрезало меня от моего народа, что на меня он смотрит уже не как на своего, со мной говорят не просто и не откровенно, и я не могу подойти близко, как мои — сверстники по годам, молодые казаки, к нашим милым казакам... А между тем, как я их люблю, они веселы, сме-

Ф. Д. КРЮКОВ.

Рисовано с портрета, находящегося в Донском архиве в Праге.

лы, остроумны, намеренно-грубоваты и вместе с тем умеют быть нежными и неуволимо-привлекательными... Что-то есть в них такое, чего я не встречал ни в одной из знакомых культурных женщин, — что-то свободное, смелое, увлекательно-разгульное, сообщающее жизни беспечную радость и красоту воли“.

В рассказе „Шаг на месте“ („Русское Богатство“, 1907) встречается часто применяемый Крюковым художественный прием: возвращение на родину, на Дон, после долгих лет отсутствия, в экипаже, едущем по бесконечной степи. Иногда при этом возница оказывается другом детства возвращающегося, игравшим с ним вместе в детские игры на пыльных станичных улицах. Пассажир, едущий в экипаже с самого утра, под вечер спрашивает себя: „Что веселого в этом дне?“

„Он вспомнил бесконечную дорогу, унылую бурую степь, низкое сивое небо. Изредка лишь ветер разрывал косматые клубы озябших растрепанных облаков, и тогда за ними показывался на минутку кусочек неж-

ной бирюзы, а ласковые лучи солнца торопливо расцветивали: заплаканную степь пестрыми, неожиданными красками из-за бурой, побитой морозами отавы детски-весело зеленела кое-где щетка молодой травки, сверкала, как кусочки разбитого зеркала, водица в бороздах и дрожали на нижних ветках терника редкие пурпуровые и желто-лиловые листочки. Вдали, на горизонте, вставало в сизой пелене что-то похожее на горы, а ближе — взрытые черные полосы, красные глинистые обрывы оврагов и сизый, дымчатый полынок — почти такой же, как и летом. Но через два-три мгновенья опять все застилось унылым, бурым колоритом. Незаметно подползали сумерки и за ними ночь, черная, беззвездная, безмолвная, никаких звуков... Даже ветер смолк — „убился“, как объяснил кучер. Лишь шуршал тарантас да сколько-то шлепала копыта лошадей.“

„Вот и тут, в станице, то же безмолвие и черная темь. Низкие, черные ряды спящих хаток по обоим сторонам улицы в трех шагах смыкаются в кольцо, и очертания их теряются в немом сумраке впереди и сзади. Низенькие хатки тянулись безмолвными рядами по обоим сторонам, смыкаясь и раздвигаясь, немые, темные, закутанные ставнями Брагин пристально всматривался в их смутные очертания, хотел уловить какие-либо признаки жизни, но не было их.“

„О, родимый край!“ — мысленно вопрошал он, лирически настроенный при свидании с родиной: — „неужели ты все тот же, лишенный света, поставленный во фронт, холопски исполнительный поставщик солдатского материала?“

„Родимый Край ничего не отвечал: он спал“.

Так описаны Крюковым переживания доктора Брагина, возвращающегося осенью ночью после долгих лет отсутствия в родную станицу. Брат доктора, Арсений, станичный интеллигент, рассказывает доктору о том, что наболело у него в душе: „Мы усмирители. Масса еще не представляет себе, какая позорная роль

на нас возложена. Да и интересы наши слабо затронуты: помещиков близко нет, не знаем, что такое аренда по двадцать рублей за десятину. Нужда есть, но на это, как известно, Божья воля. И только. От молодых ногей до гробовой доски нам внушают жить по команде, к ней лишь прислушиваться, мыслить по швам, мечтать о галунах. Теперь, вдобавок, дают мобилизованным еще денег. Наши же это деньги, но, выдавая из наших миллионов по гривеннику, начальство заставляет благодарить себя и при этом грозит перстом, дабы мы старались. То, что ныне*) происходит в России, есть бунт внутренних врагов... Так приказало нам мыслигь начальство, а приказ — альфа и омега нашего бытия... Но кое-кто уже шевелится. Слабо, но шевелится. Впрочем увидишь сам*...

Рассказ „Шаг на месте“ заканчивается мрачным образом:

„В окно, не закрытое ставнями, лился мутный серо-черный свет осенней ночи. До утра еще не было близко. В ушах стоял шипящий звон. Чмокали копыта по жидкой грязи. Перед закрытыми глазами медленно кружилась и колыхалась бурая мокрая степь. Тени прошлого беззвучно двигались по ней“.

Доктор Брагин начинает заниматься врачебной практикой в своей станции и замечает, что не все так неизменно, как кажется Арсеню и сперва казалось и ему:

„Было нечто новое на его родине. Бросалось в глаза, что в этой темной массе, издавна сдавленной военным надзором и субординацией, теперь особенно усердно и настойчиво подогревались легенды и традиции славных заслуг полицейского свойства в прошлом. Но новые веяния уже вторглись в старый, улежавшийся кругозор. Они были неожиданно резки, шумны и враждебны. Для прихупленной, бессильной мысли, для всегда подавленного темного сознания, воспитанного в предрассудках военной касты, было трудно разобраться в них, и люди недоумевали, искали оцупью света, фантазировали, галдели и бранились. К старым авторитетам — попам и военному начальству — прислушались теперь редко и весьма скептически.“

„Старые устои пали бесславно и слишком очевидно. Чувство народной гордости, взлелеянное в казармах, на смотрах и парадах, было оскорблено — гажко и невознаградимо. Маленькая земелька, маленькие люди (Япония и японцы прим. ред.), не нашего Бога, били нас и как били! Сперва в станции думали: бьют потому, что казаков мало у Куропаткина. Но послали казаков — и казаков били... С этим не могла примириться даже тщательно закупоренная мысль.“

„Вот... генералы, та их и этак, со слезами в голове говорил Брагину девяностолетний дед, почти слепой... Эх, года мои ушли, а то... Да все равно! Придется когданибудь за шашки ввязаться казакам! И в писании сказано: соединятся донцы с горцами... дойдет точка“.

„Даже черносотенные прокламации будили мысль и путем составительного процесса выводили ее на новую дорогу. Импровизированные митинги происходили всюду, где находилось сухое местечко: и у церковной ограды, во время обедни, и у лавок, и в станичном правлении“.

Доктор знакомится с передовым донским офицером и патриотом, артиллерийским есаулом Игнатьевым Игнатьев жалуется Брагину на современное печальное и подневольное состояние Дона и делится с ним своими мыслями:

„А в мечтах — старые наши свободы, Войсковой Круг, старое казацкое равенство, братство... Вольное Казачество! — Вот что я хотел бы выставить лозунгом будущей нашей деятельности! воскликнул с пафосом есаул.“

— Не годится, Василий Алексеевич, — возразил Брагин. Помните, еще Ашинов щеголял этии званием: „вольный казак“. Тот, что негусу Абиссинии штаны подарил, а негусине самовар или еще что то... Успенский обрисовал эту разновидность человеческой породы в очерке „Вольные казаки“. Если не читали, прочтите“. Есаул возражает доктору:

*) Рассказ относится к 1905-1907 годам. Ред.

„Может, и читал, да не вспомню сейчас. Нет, Ашинова к чорту! Я все таки насчет Казачества... Того, каким оно было в лучших своих проявлениях... Восстановить его подлинный, свободолобивый облик. Обновить соответственно требованиям времени“.

„Восторженность есаула, искренняя, немножко смешная, подействовала на Брагина заражающим образом. От выпитого вина, стало тепло, весело... Хотелось говорить.“

— Как ни запакощен родной наш край, но нет на земле места лучше его, — медленно, с чувством начал Брагин.

— Верно! — громко крикнул есаул: — вспомнишь, бывало, о нем на чужбине, — сердце дрожит!

— Воды его высохли, леса вырублены, травы выгорели. Ветры-суховеи снесли хорошую землю с его вспаханных степей, пустыня надвигается на вольных когда-то сынов его, теперь одетых в серые шинели... Нынешняя служба привила половине сифилис, привычку к безделью, уверенность в безнаказанности... Болиг душа... Но ничем не искоренишь уверенности, что он воскреснет и обновится, наш край. И этот наш брат в шинели — он узнает все... Это чудный материал — казаки. Только надо вернуть в них искру. Поднимаю бокал за вас герои будущего! За казачий союз“.

Не во время пришел на свет Божий молодой казак Терпуг, юноша силач, в старину — пошел бы в привольное волжское житье, а теперь — не знает, где применить свою буйную удаль (рассказ „Зыбь“, сборник „Знание“, XXVII, 1909 г.). „Гарибальди — какой геройский парень! Кабы нам хогь одного такого“, — говорит Терпуг, но его друг и ровесник Рябokonь убежден, что и Гарибальди не помог бы: „ничего бы не сделал. Зря пропал бы и голько“. Зря пропадает и Терпуг — убитый по пьяному делу.

В начале рассказа „Зыбь“ замечательно по силе любви к родной земле описание весенних свежераспаханных полей:

„Что то могущественное, почти неодолимое было в этих трех десятках взрытой, истощенной земли. Скрыла она свои грани, слилась с другими полосами, раздвинулась в даль и в ширь. Впереди и сзади, направо и налево, до дымчатоголубого горизонта, все изборожденно, взрыго извилисто дрогнувшими полосками. И бурочерные комья земли лежат; словно притаились, как насторожившаяся темная, несметная стая, ждут... Обнаженно-бедно все кругом, серо, челасково. Обжигает лицо сухим холодом жесткий ветерок, шумит в голых красных, словно озявшие пальцы, ветвях кучерявых стеленых яблонек, в сизой, колючей сетке терновника, в пустых окошках полевых хаток. Тени облаков с мутными очертаниями безмолвно скользят по черным коврам взрытой земли, по косичкам нежной зелени под баками, по старому коричневому бурьяну на высоких глинистых шпильях. Мертвым, потускневшим золотом глядит прошлогоднее жнивье, по которому не успел осенью пройти плуг и вихры старника на пашне торчат, как редкие чалые волосы на изъятном оспой лице. Голо, однообразно... Но какая ширь кругом, и как волнуется сердце неясными грезами! Каким упоением любви звенят эти степные песни! А скоро придут нарядные дни, залитые солнцем и всеми красками земли, яркие, бесшабашно-шумные... Зелено-пестрый шопот пойдет зыбью по всей степи, на вечерней заре будет ржать тонкое ржанье жеребенка и далекая девичья песня, чарующая невыразимой молодой грустью. Прекрасен тогда ты, родной угол, скудный и милый“.

Единственный друг Терпуга, Рябokonь, часто делился с ним мыслями и сдерживает буйные героические порывы Терпуга, стремящегося к деятельности, но не знающего, за что ввязаться. Эпоха, к которой относится рассказ — годы реакции по революции 1905—06 года.

„Ну что прочел? — прервал молчанье Егор Рябokonь. Терпуг вскинул на него глаза. Не сразу понял, о чем он спрашивает, и с усилием всгряхнулся от своих мыслей.“

— А-а... да... „Ответ Синоду“? (Л. Толстого, ред.) Прочел...

Он вдруг вспомнил что-то и порывисто вскочил на ноги.

— А Гарибальди — какой геройский парень! — воскликнул он с восторженно сияющим взглядом.

— Кабы нам хоть одного такого!

— Ничего бы не сделал. Зря пропал бы, — и только.

— Н-ну?

— Да разве у нас люди? — черви ползучие!..

В голосе Рябокопя прозвучала такая безнадежная уверенность, что у Никифора сразу упало сердце, и он сел опять.

— Да ведь когда побольше за бок-то возьмет, небось и наши взболдыряют? — Неуверенно возразил он.

— Перенесут. Все перенесут. В тысячу раз хуже будет жить, — будут молчать...

Терпуг подумал и согласился:

— А, пожалуй, верно... Кабы мне кто объяснил, как делать, с чего начать — я бы не подорожил своей жизнью!.. Я бы вышел на чистое поле!.. Эх, почему я не родился в те времена, в старинные! Вышел бы я на привольное волжское житье!..

В рассказе „Шквал“ („Русское Богатство“, 1909 г.) ярко очерчен храбрый генерал, грозный с виду, добряк в душе, заботящийся о том, чтобы взять „возможно большее количество людей для военной службы, с лошадьми и безупречным снаряжением“. Не всегда эти люди являлись к нему с таким уж безупречным снаряжением — как видно по началу рассказа:

„Лошадь коротко за повод держал старик без шапки, в чириках, и в каком-то разноцветном мундире неизвестного ведомства, приобретенном, очевидно, из старья на станичной ярмарке...“

„Это — конь?! — восклицал с негодованием генерал, иногда останавливаясь и упираясь в бока кулаками: — это теленок, а не конь!“

— Ваше п-ство, подтощала, — робко и неуверенно сказал старик, держа шапку на молитву — мы подкормим, первеющая лошадь выйдет. Подтощала, наше п-ство, дорога дальняя... полтора верста.

— Ты меня не учи, — раздраженно крикнул генерал, — подтощала, подкормим... А что выйдет из твоей подкормки? Тот же теленок... не приму!

— Явите божескую милость, ваше п-ство. Не имею состояния...

Впрочем, телячий постав этой лошади выражался очень слабо, генерал явно придирался: тревожно насторожившаяся лошадка казалась и очень красивой и подходящей для строя.

— Божеской милости я не могу, братец, сделать. Милость вам сделана государем императором: выдается сторублевое пособие. Чего же вам еще? Вы — потомки доблестных воинов, которые никогда никаких

пособий не получали, а как служили! Небось, они не являлись перед начальством в таком виде, как ты...

Генерал раздраженно ткнул пальцем в чирики и фантастический мундир старика.

— Не разберешь, казак ты или мужик. Ты бы еще лапти надел!

— Ваше п-ство! — Старик жестом извиняющегося склонил голову на бок. В жнива у нас это — самая форма... В чириках, например, много деликатней на заgone. Нам не писать, а вокруг быков плясать... Мы и рады бы жить, как наши предки жили, да ведь... нуждишка, ваше п-ство... гнет в дугу государева слугу... Сапожишки, конечно, от приличия почему бы не надеть, ну нету, ваше п-ство... воля ваша: внуку отдал... А мундер, точно, не присвоенный мне, но дешево попался...

— Д-да... разговаривать вы умеете... Ораторы! — холодно и сердито прибавил генерал. — Не годится лошадь! Не приму! — прибавил он отрывисто и сердито.

Старик огорченно крикнул и сказал тем же извиняющимся, покорным голосом, каким говорил о своем мундире и чириках: — Воля ваша, ваше п-ство... Вам дадена власть... Только состояния у меня нет другую справлять...

— Опять?... разговоры? В клопы захотел? Смотри у меня! Генерал бросил потом коротко и безнадежно обрывисто:

— Ступай!

Генерал скрывается за дверьми дома, откуда вскопоре в открытые окна, доносится генеральский голос раздраженно говоривший:

— Все это ерунда, книжные теории: экономическое положение, экономический упадок... Точно я не знаю...

Молодые голоса что-то возражали, разом, горячо, беспорядочно мешаясь...

Семья генерала и гости выезжают на пикник, торрпиво-шумной вереницей мелькают перед глазами старого казака. Оставшийся дома генерал выходит на балкон, замечает старика, и „сменяет нев на милость“:

— Не ушел еще?

Старик быстро сдернул фуражку и взял ее на молитву. Генерал громко крикнул и, помолчав, прибавил немножко суровым голосом.

— Н-ну... корми! На сборном пункте посмотрю. Да береги! Береги, говорю! — вдруг грозно закричал он: — И в этом лапсердаке чтобы я тебя больше не видал!

— Слушаю, ваше п-ство.

Генерал был криклив, но не страшен.

Главным делом, главной задачей своей деятельности считал то, что считала и стоявшая над ним власть, — взять со вверенного ему округа возможно большее количество людей для военной службы, с лошадьми и

Успех казачьей пропаганды.

В „Возрождении“ от 5 сего февраля напечатано под заглавием „Самостийники завоевывают Биарриц“ следующее „недовольное“, очевидно (напечатано самым мелким шрифтом), для самого „Возр.“ сообщение:

Казак самостийники, видимо, начинают проявлять все более интенсивную деятельность. Плоды ее уже сказываются: о казаках самостийниках начинает говорить французская печать. Откликнулся печатный орган, освещающий преимущественно светскую жизнь „Серебрянного побережья“ — „Газет де Биарриц“.

Г-н де Гобар помещает в этой газете непомерно большую статью под заглавием „На пути к казачьему государству“. В статье этой приводится изумляющий по своей длине список всех казачьих печатных органов, выходящих во всех краях света начиная с 1919 года. Г-н де Гобар твердо уверен, что казаки имеют все права на образование единого казачьего государства между Украиной, Черным морем, Кавказом, Каспийским морем и Уралом, в которое войдут казаки донские, кубанские, терские, астраханские, яицкие, оренбургские, а равно и калмыки. Г-н де Гобар уверен также и в том, что Европа „потеснится в тот день, когда казаки объединятся, дабы образовать единое государство“.

— Редакция „В. К.“ просит тех в. к., кто это может сделать, прислать ей тот номер „Газет де Биарриц“, в котором напечатана статья г-на де Гобара.

безупречным снаряжением. Это была важнейшая, лежащая на казачестве, государственная задача. Но выполнить ее год от году становилось труднее. Обедневшее население, выворачивая гроши из скудного своего хозяйства, изощрялось в уклонениях, в ухищрениях, в стараниях сократить расходы на военный блеск. Он, как старательный служака, в свою очередь изощрялся в способах извлечь из населения все, что можно, чтобы заслужить признательность сверху и безупречно выполнить служебный долг. Он напоминал о заветах предков, подгонял, увещевал, предписывал и описывал. Описывал и продавал „лишнюю“ овцу, коровенку, самовар, садишко...

Не без слез все это обходилось, соком доставалось это радение об исправном снаряжении потомкам доблестных предков, но за то выходившие в полки казаки сидели на прекрасных лошадях.

Лошади — это была родная стихия генерала. Он интересовался ими больше, чем людьми... Гармонические лошадиные формы производили на него впечатлительные чарующие звуки. Молодое поколение — окружающие и близкие генерала — дочь Маруся, Карташев, подающий надежды офицер, адвокат Егорлыцкий, первый кандидат на руку Маруси, критически относятся к „лошадиным увлечениям“ генерала.

— Экономическое положение... Знаю! Без вас знаю, господа ораторы! мысленно возражал кому-то генерал, шагая по гостинной: — вам хорошо критиковать, а попробовали бы вы делом... да-с, делом!

Он остановился и ногой поправил завернувшийся ковер. — Вы думаете, я не понимаю экономического положения и прочей сути? Знаю-с. Понимаю-с. И скорблю... Я, может быть, больше, чем вы все, вместе взятые, скорблю об оскудении казачества... Я сердцем болею... Расползается старый уклад, надвигается измывание, вырождение молодецкого типа. Это неизбежно и фатально. Идет... медленно, но неуклонно и грозно идет...

Сколько мог, он и об экономическом положении беспокоился. Когда осматривал по станицам тощие от бескормицы конские табуны, — говорил старикам о пользе травосеяния, о том, что лошадка корм любит...

Он вспомнил унылые, выжженные степи, унылое выражение на лицах стариков.

— Да, все таки надо, надо... Дальше так оставаться не может. Пропадем. Обезлошадеют казаки. А что казак без лошади? Ноль... Грош ему цена...

Надо чтонибудь придумать, — советовал он сам себе: экзамен серьезный наступает, а мы не готовы, нет, не готовы...

На другой день, когда явился к нему с докладом

станичный атаман, генерал, вместо обычных вопросов о готовности мобилизуемой команды, озабоченно сказал: — надо, атаман, заботиться об экономическом преуспевании...

Бравый урядник со знаком трезвости на груди, деревянно-торопливым тоном послушного исполнителя отвечал:

— Слушаю, ваше п-ство.

Эта торопливая, не задумывающаяся готовность не доставила генералу никакого удовольствия, даже разозлила, потому что вместе с нею он почувствовал носом густой запах водочного перегара.

— Ну, как урожай у вас — затопливо спросил он после длинного, сердитого молчания.

— Да плохо, ваше п-ство, — быстро и с видимым удовольствием отвечал атаман.

— Почему?

— Дождю нет, ваше п-ство.

Генерал сердито покраснел. Почему то объяснение атамана показалось ему недостаточно основательным, а самое отношение к неурожаю слишком легковесным. Он враждебно-испытующим взглядом окинул кирпично-красное, подпущенное от похмелья лицо атамана и встретился с преданными, настойчиво евшими начальника глазами, в которых слегка блестела пьяная влага.

— Так ты бы того... чорт! — раздраженно воскликнул генерал: — позаботился бы все таки... ну, Богу помолиться обществом! нельзя же так... сложа руки... нужны меры!

— Молились, важе п-ство, — несколько оробевшим голосом сказал атаман: — ходили по всей степи.

— Ну, что же?

— Да нету.

— Так еще надо. Еще помолитесь... Необходимо все-таки...

— Да и то думаем, ваше п-ство...

Травосеяние надо бы, — грустно прибавил генерал после томительной паузы: — лошади у вас ни на что не похожи.

— Так точно, ваше п-ство. Да у нас негде, позволте доложить. Все запахано. Шпили, солонцы остались, но там земля клеклая. Свинец, а не земля... ничего не вырастет...

Так искусственное орошение надо! — воскликнул генерал с сердцем.

Атаман понял, что генералу необходимо ругнуть когонибудь: такой стих нашел, — и уныло покорным тоном, осторожно жестикуюлируя одними пальцами, не отводя руки от лампас, ответил:

— Слушаю, ваше п-ство.

(Окончание следует).

Николай Букин.

Двенадцать лет назад.

(Воспоминания).

Далеко, далеко раздаются глухие взрывы снарядов, там — где-то в районе Александро-Грушевск-Персиановка, — на обширном степном просторе, жадно принимающем тысячи человеческих жертв. Но с каждым часом гул орудийный становится все сильнее и сильнее, делается какой-то внушительный, точно предупреждающий о наступающей опасности ненавистному большевикам „контр-революционному гнезду“ — Новочеркаску, столице славного Донского Войска, куда так стремительно направились до зубов вооруженные войска озлобленной Москвы. „Добратся бы нам только до этого гнезда“, — говорили со злобной усмешкой „товарищи“. И мне, коренному жителю гнезда родного, к сожалению, приходилось видеть, как „добирались“ разнужданные шайки бандитов... Не привел только Бог видеть в последний раз как расправлялись „товарищи“ с казачьим добром и с самими казаками в 19 году зимой.

Рождественский пост прошел в каком-то волнении. Все же, в водовороте этих волнений, где-то глубоко теплилась надежда на то, что святки пройдут спокойно, если не радостно.

Ночи проходили в каком-то полусонном беспокойстве. Утром, вставая с постели, я подходил к окну и смотрел куда-то в высь, в пространство, словно искал: не написано-ли чего в воздухе радостного; как не странно, а „в воздухе“, т. к. ни от приезжавших с фронта ни, тем более, от жителей столицы нельзя было уже услышать ничего утешительного. Приезжавшие с фронта говорили только: „Держимся пока“... „Пока силы есть“... Но доносившийся издали орудийный гул силою своей ясно показывал, что силы наши слабеют, что враг припирает малочисленные казачьи войска все ближе к самому Новочеркаску.

Среди жителей начиналась самая настоящая паника, т. к. носились слухи, что под самым Новочеркасском будут бои: казаки не хотели его так сдавать.

Многие за несколько дней до Р. Х. эвакуировались дальше на юг: кто со всем своим скарбом домашним, кто с самым необходимым, а кто, просто, в чем одет, в том и выехал. Одни ехали на Старочеркасск, другие на Ростов, по ростовской дороге мимо новой тюрьмы — голгофы многих казачьих жизней. Кто ехал в экипажах,

кто в саях — в одиночку или тройкой, глухо и уныло звеня медными колокольчиками на дуге, кто, просто, на быках. Грустно было смотреть на этих эмигрантов, — своим отъездом они говорили о безнадежном положении наших войск.

Приближался праздник Рождества Христова, встречаемый когда-то с бесконечной радостью в различных подготовках к нему. В этом же году приближение его вселяло какой-то страх и мучительное беспокойство. „На Рождество большевики будут в Новочеркасске“, — так говорили всюду. И действительно: чем меньше времени оставалось до наступления святок, тем больше ходившие слухи о вторжении на Р. большевиков в город оправдывали себя.

А когда нервно настроенные жигели направлялись к Войсковому Собору на поклонение родившемуся Христу-Младенцу, в то время уже ураганная канонада была совсем близка. Теперь старики казаки и казачки-матери с малолетними детьми несли в груди своей под величавые голубые своды Собора не радость, а скорбь с молитвою о спасении и победе.

Кругом казалось иное... Не так давно еще торжественно гудел громадный колокол, зовя к молитве всех свободных от забот, теперь же... гул его над степью, кровью казачьей политой, вселял в измученные души что-то панихидное...

... Ермак, твердо опершись на гранитную скалу, угрюмо смотрел в даль степи своей родимой, которую несколько веков тому назад своим подвигом — покорением Сибирского Царства с горсточкой верных ему казаков — украсил так, как только могли украшать свой Дон прекрасные казаки: неумираемой славой.

... Вероятно не спокойно лежал под мраморной плитой и герой завоевания Кавказа — генерал Бакланов, но... не под силу ему было подняться, имея на себе десятки глубоких смертельных ран...

... Там, вдалеке от Соборной Площади, на Платовском проспекте, смело и гордо возвышалась сухая, но мощная, в бесчисленных боях закаленная фигура Атамана Платова...

... За Платовым, прикрытый с одной стороны маленьким парком, а с другой тенистым Александровским садом, возвышался Атаманский Дворец, охраняемый партизанами детьми да трепещущим от ветра штандартом...

Наступил и первый день Р. Х. Говорить о том, что настроение было у всех не праздничное, не приходится. Все и все были полны страха. Население напряженно прислушивалось к канонаде, эхо которой с каждым часом доносилось все сильнее и сильнее...

Всюду только и слышалось: „Что будет?..“ „Да неужели же Новочеркасск сдадут?..“ „Говорят: казаки отступают...“ „В город прибывают массы раненых...“

Такие разговоры ужасно действовали на нервы и... оставаться в доме и ожидать того „что будет“ уже было невозможно. Ясно было, что славная столица Войска Донского снова должна перейти в руки ненавистного разбушевавшегося врага... И многие думали, что Новочеркасск будет сдан на первый день Р. Х. Но казакам не хотелось уступать свое святое-святых на поругание хотя на первый день праздников. А большевики в свою очередь всеми силами стремились занять город именно на первый день Р. Х., чтобы помешать оставшимся казачьим семьям встретить по христиански Великий праздник.

И много, много легло казаков на обширном просторе степном; много, много было пролито казачьей

крови на снежном поле только потому, чтобы не допустить „товарищей“ до славного исторического кургана, на котором возвышалась краса и гордость Донского Войска — Новочеркасск; да и потому еще, что казаки не хотели дальше отступить, а биться до последнего здесь у порогов Святого Храма Войскового и Атаманского Дворца; не хотели отступить потому, что ясно было видно — казаки одни против миллионов поднявшегося русского народа на казаков только потому, что казаки не поняли слово „свобода“ так, как поняли его русские в 1917 году.

Но все же на второй день, 26 декабря 1919 года, в этот роковой день, может-быть, для всего Казачества, ослабевшие в неравном бою казачьи части были вынуждены сдать город. Сдали только потому, чтобы большевики не разорили города орудийными снарядами; сдали и потому, что казаки разрозненные беспощадною орудийною пальбой и частыми атаками, прикрываемыми десятками оцетинившихся танков, надеялись, отступивши за Новочеркасск вновь сплотиться, пополнить свои части и... прямо по направлению на золотой купол Кафедрального Собора...

... Грустно и тяжело было покидать родное место. Жуткие воспоминания оставил по себе второй день Р. Х. на всю жизнь. Вечером, когда зимние сумерки уже густо повисли над омертвевшим городом, казаки отступали от Новочеркасска во всех направлениях: через самый город на Аксайскую станицу, на Кривянскую — Старочеркасск вдоль полотна железной дороги и часть на Грушевскую станицу...

Тяжело было, проезжая верхом через Соборную площадь, последний раз перекреститься на икону Донской Божьей Матери в золотой ризе охранявшей главный вход в Собор... Кругом все притаилось, ушло в себя и умерло, казалось... И как-то неуместным показался глухой звон часов на Соборе... Не помню сколько.

Еще отступавшие части казачьи не прошли всего города, как большевики уже посылали им в догонку тяжелые артиллерийские снаряды, часть которых далеко перелетала через город и там грозно вспахивала заледеневшую землю, а часть угождала прямо в дома мирных жителей, глотала невинные жертвы человеческие и вмиг весь дом окутывала красным пламенем пожара. Было видно из степи, по дороге на хут. Мишкин, как на Платовском проспекте горели два дома. Отсюда же было видно как золотой месяц с высоты синего неба сквозь замерзший воздух осторожно опустил свои холодные лучи в большой купол Войскового Собора и застыл в нем сияющим пятном, лицом к отступавшим казакам...

... Помнят, помнят казаки эту горящую золотую точку главного купола и видят ее до настоящего времени. Маленькая точка заронила в души казачьи неизгладимую и большую надежду на светлое будущее всего Казачества...

Где-то там, далеко за морями, за горами Крест Святой и точка золотая и по сию пору ярко светят в сторону ушедшего Казачества.

А здесь же, рядом с Собором, стоит нахмурившись Покоритель Сибирского Царства... Двенадцать лет зорко следит он за всем происходящим в степи Донской...

Что-то расскажет он нам, казакам донским, и всему Казачеству вообще...

26 декабря 1931 г.

Там и здесь.

... „Разгоняют нас, казаков, с нашей родины Кубани по всей России, а на наши места гонят русских людей... Мы теперь скитаемся по всей России, которая нам чужая“... — Так пишут оттуда (из письма молодого казака, см. „В. К.“ от 25 января с. г.).

... „Мы утратили наше великое Отечество — Россию“... „Здесь неугасимо должен гореть очаг любви к Великому Отечеству“... — Так говорят здесь (из речи ген. Звягинцева, см. „Кавк. Казак“ за август 1931 г.).

Думы и мысли.

А. Бабков. (Румыния.)

Казакам!

Станичники, идите твердо Вы путем свободы;
Не слушайте московских льстивых слов.
Они красивы на бумаге, но в будущем вернуться могут
Со звоном тягостных оков. [годы
Пора пришла нам жить, как жили наши предки, —
Самостоятельно от русских мужиков;
Устраивать свои Края без помощи опекунов,
С любовью веря в знамя Казаккии.
Возьмемся же дружной за этот труд
И, несмотря на гнев чужой и суд,
Вернем мы Волю нашему народу.
Вперед, станичники, пред нами путь свободы!

Сташко. (Франция.)

Поход.

Смелее, дружно собирайтесь, родные братья казаки!
А вы, лихие командиры, готовьтесь в бой вести полки.
Там ждут нас наши братья, сестры и наша мать, и наш
отец,
И верят в то, что мы положим насилью варваров конец.
Восстанем все и сбросим цепи с страны нам близкой
и родной
И всем, тоскующим по Воле, вернем заслуженный
покой.
Придет он, час казачьей правды, восстанут к бою
казаки,
Сметут с груди родной Кубани чужие красные полки.
Дружной боритесь, ждет вас слава и ваша Родина
зовет,
И знайте: только подвиг яркий свободу нашу нам
вернет.

Безработица.

Какая все-таки ужасная штука эга безработица!
Куда не посмотришь — беда! Везде нищета, голо-
довки. Куда не пойдешь, везде толкуют об одном и том
же — о безработице.

Да уж ежели правду сказать, то оно, конечно, безработица для маленьких людей и ничего, привычное дело: есть работа — работай и ешь, а нет — жди, пока будет, и голодай. Нс беда то, выходит, в том, что безработица хватает и „больших“ людей. А вот эта „безработица больших людей“ задает работу языкам маленьких безработных. Правда, работа языком насыщает только „некоторых“ сытых, но и голодные не прочь иногда (чтобы забыться от ужасной действительности) поработать языком. Но не пореешься же в душе человека, чтобы увидеть действительную причину, заставляющую на пустой желудок работать языком. Другое дело сытый — там понятно, что человек говорит или для лучшего пищеварения, или чтобы не утратить дар слова, или еще что либо в этом роде. Так или иначе, а все категории говорят. И вот слышишь среди казаков разговоры:

— А знаешь, Петро, вот Василь получил письмо из Франции от Чуба? Пишет, что пропасть можно — работы никакой, два дня в неделю на фабрике работают.

— Слышал, Иван, слышал. Да что твой Чуб? Безработица там такая хватила, что даже „большим“ людям нечем жить. Правда, кто с головой и смекалкой, тот умеет заглянуть в далекое будущее. Вот например, говорят, что Африкан Петрович предвидел возможную редукцию рабочих на фабриках и, чтобы не слоняться по Парижу без работы и без толку, понатужился и открыл в Париже (на всякий пожарный случай) банк; авось про черный день пригодится, а оно, вишь, так и случилось. Вот сейчас сократили рабочее время на фабриках до двух дней в неделю, а у него хоть маленькое подспорье к заработку, хоть маленькая зацепка — да и есть. Все гаки хоть сухой хлебец, да каждый день будет есть...

— Что тяжелое время настало, спору нет. Вот говорят, что и Миллер недавно приезжал в Белград искать работу, верно и ему не легко приходится. Покрутился там, никакой работы не нашлось, ну и решил ехать обратно и с пустым желудком продолжать „охранять“ казну, на радость младших „вождей“ умершего Николая Николаевича и... престол Кирилла I.

Да все это ведь сверхштатные „вожди“, которые нетерпеливо ждут смерти старшего „вождя“, чтобы хоть временно взгромоздиться на подмостку со своим рылом. Ведь сейчас они только выслуживаются у старшего „вождя“ и не велика беда, ежели их зацепила безработица. А вот помнишь — бегали по городу и били тревогу (даже из казачков) вахмистр и некоторые полковнички и собирали с носа по грошу на серебряную свадьбу Кирилла Владимировича. Знать и ему там не легко приходится, если уж среди безработной рати собирал по грошу на свадьбу, а свадьбу ему, видно, приспичило сыграть. Оно, конечно, наш вахмистр и полковнички имеют довольно грубый склад душевный и не могли выразить всю скорбь и боль душевную своего „вождя“. Если бы он сам „обехал“ „своих соратников“ и излил душу, то верно бы у каждого из пустого желудка отрыгнулся какой грош на свадьбу и потом уж поигрался бы в волю на своей свадьбе, как Май-Маевский в Харькове.

— Ну нет, Иван! До Мая то ему далеко! Ведь Май же от Деникина к свадьбе получил в подарок целый Харьков. А ведь, говорят, Кирилл только и ратовал всего в 1917 году с красной тряпкой в петлице. Об этом даже газеты прописали Ну, а потом дело вышло так, что чины его экипажа или разбежались, или всей силушкой подперли Ленина и поперли грабить и углублять бескровную. Их же „вождь“ незаметно смылся с родной тверди и из-за границы наблюдал, как „массы“ расшибали друг другу лбы с лозунгом: „пори, грабь и вешай“, но у „красных“ только противника, а у „белых“ — и своих. Ну — вздергивали на дыбы и убивали, и разоряли, и — теснили казачков всеми силами. Ну, „белые“ били, били, дулись, дулись — да лопнули.

Да как же и не лопнуть было? Ведь ходили же груженные товарные поезда с именами Командующих (а с народным добром) до Новороссийска, где перегружались на пароходы и спешно отправлялись, как вменитый груз, в Константинополь. Чего там только не было? Да всего было: и сахар, и табак, и вина и — всякой всячины. А в Константинополе все реализовалось в реальную валюту и — терялся след всему

Так я хотел сказать только, что у Кирилла, собственно, соратников то заграницей и нет. Но, а вот дела Командующих разных — совсем швах! Все они страдают бессонницей и манией преследования. Одного преследует тень Рябовола, других тень Кулабухова, некоторых тени расстрелянных невинных казаков; некоторые видят во сне разлив вин Абрау-Дюрсо и все им кажется, что они утопают в вине, некоторым снится, что весь табак, вывезенный в Константинополь — сразу загорелся в комнате и они задыхаются от дыма. Ну, такие не выдерживают кошмаров и едут проветриться по Европе и подышать воздухом. Некоторым снится, что их казаки заколачивают в денежные ящики, из которых они вынули „на просушку“ Войсковую Казну. Проснувшись после кошмарного сна, такие, обычно, желчь и гнев выливают на казаках. А подумаешь, при чем же здесь казаки? Разве только в том и виноваты, что позволили свое достоинство кому то вынимать „на просушку“? А вот некоторым „королям бриллиантов“ все кажется, что эти стекляшки прожигают им руки, карманы, а ночью из всех шкатулок исходит такой свет, что просго хоть зови пожарную команду... А тут еще эта безработица и падение цен на товары, — просто беда! Так и кажется им, что придется сидеть на бриллиантах и голодать. Вот и едут искать работу на Балканах.

— А ты помнишь, Петро, Врангеля? Вот он то, бедолага, говорят, намучился с Государственным

Казначейством. Все силушки уложил на его охрану. А тут еще тени кубанцев (верно без паспортов за границу забрались) — всюду за ним. Так он не выдержал и умер. А перед смертью приказал похоронить (как и Николай Николаевич) в Кубанской форме, чтобы на тот свет явиться казаком в полной форме, как это полагается „казаку“. Вот если он когданибудь за свои мучения на земле станет святым, то появится первый святой в черкеске и сапогах, а не в лаптях...

— А вот еще что я слышал: недавно, в номере 12 „Вольной Кубани“ ген. Науменко написал обращение к казакам: сидеть на местах, где кто есть, и не проситься ехать в Югославию, а жить, кто как сможет, т. к. в Югославии вопрос с работами стоит неблагоприятно, тем более зима. Но не всем безработным и голодным сидится, да и не будешь ждать, ведь голод — не тетка! Значит, нужно подрабатывать. Вот и знаменитый партизан Добрармии Андрей Шкура — волчий батько то. мотнул в поисках работы и куда? — прямо в Белград“.

— А почему ты, Иван, говоришь Шкура, а не Шкуро?

— Да, говорят, его отец всегда носил фамилию Шкура, да его еще в чине сотника звали Андрей Шкура по его отцу и деду, а Шкуро, это уже его революционное приобретение. Говорят, когда он прославился и поцепил себе волчий хвост на страх врагам, то решил бросить Шкуру и стал... Шкуро. Ну, это все равно, только что вот безработица и его заела, и он приехал искать работу, а на первое время (чтобы перебиться) обратился за помощью в Кубанскую Войсковую Казну...

— Но ведь он же в ту казну из своих „заработков“, кажется, ни гроша не положил за все время заграничной жизни? Как же он может просить?

— Да ведь оно то, конечно, так... Да и откуда бы он мог давать в казну? Мы то иногда умели оторвать какой грош, а у него же, почитай, большие расходы, на все и не хватка. Правда, говорят злые языки много, но разговоры остаются разговорами, а на деле опять таки ничего. Когда нас привезли на Лемносский курорт плодить „белую армию“, так ходили слухи, что волчий батько Шкура обещал взять на три года на свое полное попечение всех кубанцев — значит — на свои скудные, без отца нажитые, сбережения. Что верно, то верно.

Ведь от отца никакого наследства не получил, а богатого дядюшки за границей не имел, поэтому и вправду был бы распорядиться своей сбереженной копеечкой. Но в это время море взялось белыми пушистыми волнами, как будто мехами покрылось, да все хвостиками кверху; подул Норд-Ост и, чтобы избавить кубанцев от простудных заболеваний, генерал Хвостик упросил, говорят, французов дать шатры. Правда, на голых камнях, босым и без дров не с руки было кубанцам греться, но — терпи казак, Атаманом будешь! Так оно, видишь и было. Только что нам курортная жизнь и диета не даже нравилась. Но, все же, весело было: приходишь с занятий или там с постройки шоссе в палатку — слышишь в штабах корпуса и дивизий песни, музыка, смех, выпивка, танцы, — веселье за полночь, жизнь — хоть куда! Ни ветер, ни снег, ни дождь, ни болезнь и диета не в сила были остановить веселье. Так мы в веселье постепенно начали и забывать о Шкуре. А он? — Корабль унес самого большого волка куда то в центр Европы, в центр цивилизации, культуры. Но волк и там, говорят, не растерялся. Прежде всего, говорят, обзавелся своей конурой с рошей, чтобы отдышаться свежим воздухом и перевести дух после схваток боевых. Злые языки, говорят, называют его „королем бриллиантов Парижа“, но ведь это же вздор! Человек забавы ради может быть и носить какое стеклышко на руке, портсигаре или стэге, а тут уж и дай порвать! Да ведь обладая он такими ценностями, не торопился бы (как говорят) подыскивать себе работу, да и своего отца бы обеспечил, а может быть и еще кого из бывших волчат поддержал бы, а то ведь сразу видно, — безработица не шутка!

— Так вот видишь, Иван, ты скажи Василию, пусть он особенно не беспокоится за Чуба. Вот твой Чуб хоть два дня в неделю работает, да не бежит искать работу за тридевять земель, а вот „большим“ людям труднее, — и авторитет, и в прошлом слава, и большую идею носят в голове, и можно сказать, специальность какую имеют, а пришел черный день — ни одного рабочего дня в неделю! Вот тут то посуди! Напиши Чубу пусть он там перебивается на двух днях, а мы уж будем здесь хоть на одном. Если „большие“ люди терпят, чего уж мы будем выкрикивать? Сопи и молчи!

5-1-1932.

Я. Ковган.

Казачьи фельетоны.

Самостийники в кавычках.

Знать не плохо им живется —

„Самостийникам“ таким:

И журнальчик издается

И „карман наш не щадим“!

От друзей избавь нас, Боже,

А враги нам не страшны!

Вишь, „Казачье дело“ тоже

Нам „сулит златые сны“.

Смена вех легка ведь ныне —

И Бояринов, донец,

Не погряз в российской тине,

Все же вылез, наконец!

И, танцуючи над тиной,

(Знать искусный акробат!)

Напеваает с новой миной:

— Русский мне теперь не брат.

Самостийники мы — тоже,

Но не „вольные“, как те,

Каких надо бить по роже

И прибрать скорей к руке.

Мы стоим на той платформе,

Чтоб над тиной танцевать

И по новой „сменной“ форме

Гаманец ваш разгружать.

Мы собрались „Гришка с Мишкой“

Просвегить вас, казаков:

Только с нашей лишь кубышкой

И учить вас дураков!

Мы работаем бесплатно

(Ради вас — рубашку с вас!)

И, конечно, безвозвратно

Вас загоним... в Арзамас!

Спровоцировать сумеем

Этих „вольных казаков“

И одну мечту лелеем:

Нас похвалит Милоков.

Мы ведь с Каревым — два друга:

Как Орест и с ним Пилад

(И Хунцария — подруга!).

Мы работаем на лад.

Подождите лишь немножко:

Мы вас всех так просветим!

А потом... как шмель — в окошко:

В РДО с докладом полетим!

.....

Казачи — сердец железных —

Ожидают и молчат:

Как два друга разлюбезных...

Вверх ногами полетят!..

Петр Крюков.

Казачья эмиграция.

*Хорунжий А. Д. БЕЛОВ,
георгиевский кавалер 2-х
степеней, умер в Америке
в 1927 году от ножевых
ран, нанесенных ему напав-
шими бандитами. (Фотог-
рафия прислана станични-
ком его Д. Чесноковым).*

На В. К. съезд.

Посугуило: от „Куреня имени Ермака Тимофеевича из Кливелянда 15 долл. (495 к. ч.); от С. Ш. Балданова из Франции (собр. на калм. собр. 10 янв.) 45 фр. (58 к. ч.); от П. Н. Кудинова (Болгария) 100 лев; от „Союза В. К. в Лионе“ 150 франков; от Хрипушина (Франция) 10 к. ч.; от Н. Захаревского (Болгария) 50 лева; от П. Сотникова (Франция) 25 к. ч.

„Акция“ ген. Шкуро в Новом Саду.

Последние два номера „Кавказ. Казака“ полны ген. Шкуро. „Успехи“ „обновившегося“ „сундучника“ приводят в восторг „К. Казака“. Чтобы читатели „В. К.“ имели представление о том, что и как в действительности „происходит“ „на местах“, печатаем ниже точную копию того, что происходило в Новом Саду. Более, чем вероятно, что и в других местах „выступления“ темпераментного генерала вызывали последствия, не многим отличающиеся от Новосадских.

17 января с.г. в Николаевской школе Нового Сада, ген. Шкуро собрал г. г. офицеров-кубанцев, как стояло в повестке дня. На сходе присутствовали атаманы четырех станиц: П. И. Недбаевский — атаман ст. имени Чепиги (казаки ближе стоящие к вольноказачьему движению); Есаулов — „филлимоновцы“; Протопопов — Общеказачья станица, — „казаки общеоинского союза“, — „миллеровцы“; Бузун — „кирилловцы“.

После обращения г. Шкуро к офицерам с призывом объединиться вокруг В. Атаманов, начались прения, начались разговоры о том, кому первому объединиться — „верхам“ или „низам“. Дальше перешли на личные счеты.

Протопопов выступил против Недбаевского, упрекая последнего в отсутствии энергии. Говорил, что Недбаевский не сумел объединить казаков, что приходится делать ему Протопопову.

Протопопов — темная личность, известная своей разрушающей деятельностью среди казаков Суботицкой станицы, и тем, что вербовал себе в станицу казаков

Нового Сада, обещая дать им работу, в которой так много казаков нуждается.

Разговоры продолжались с 11 до 1 часу дня и ничего интересного не дали.

На 4 часа был назначен общий сход, на который вначале не хотели идти „кирилловцы“, требуя и настаивая на отдельном сходе.

К четырем часам в школу явились казаки Недбаевского, Протопопова и Есаулова. Отсутствовали „кирилловцы“ с Бузуном, но перед самым приходом ген. Шкуро „кирилловцы“ толпой ввалились в школу (без Бузуна).

Входит ген. Шкуро, которому, на его приветствие — „Здорово казаки!“ Сход отвечает: „Здравия желаем Вашему Превосходительству (чинопочитание прежде всего).“

Ген. Шкуро: „Родные казаки, наконец-то я вас увидел всех вместе, в куче. Не на митинг собрал я вас, а хочу лишь сказать вам, что пришло то время, когда Старый и Новый свет, наконец, понял какая власть скрывается под СССР. Некоторые государства стали искать среди русской эмиграции наиболее сильный и сплоченный элемент, готовый в любую минуту дать боевой революционный толчок! Эги люди — казаки!“

Родные, я зову вас на революцию, на смерть во имя Родины. Слышите-ли вы плач и стоны ваших близких, слышите-ли их призыв! Пусть среди нас будут казаки вольные, невольные и средние, но будьте все вы казаками. Вы идете разными дорогами, но придете все к одному.

Я хочу теперь, когда уже вижу, что в глазах некоторых появилась готовность сейчас-же идти на подвиг...

Входит ат. „кирилловцев“ Бузун с некоторыми из своих сторонников. Казакам не хватает места. Ген. Шкуро рад, что казаков так много, что и места им нет.

Ген. Шкуро продолжает:

... Давайте теперь же соединимся в одном порыве. Знайте же, что нас ждет смерть, что на смерть я зову. Давайте выразим готовность В. Атаманам идти за ними. Мне легче сейчас же умереть, чем видеть, как вы грызетесь. Мир понял, что мы имели право покидать Родину организованно, полками. Раньше нас все считали врагами, но большевики досадили, и взоры мира обратились на нас. Мы сохранили Знамя и Атаманов. Так под Знамя, к Атаманам я зову вас, родные казаки! Не митингуйте и вспомните горе казачье, разлитое по всему земному шару. Стонет одинокая казачья душа. Теперь, когда есть возможность боевой работы, Атаманы зовут вас к себе. Ваши счеты, счеты Новосадских станиц уладят ваши Атаманы. Да и не важно вам соединиться, а важна готовность ваша идти за Атаманами к спасению Родины. Вспомните о родном далеком. Кровная и духовная связь с Краями крепка у нас. Я зову вас к войскам, к покинутым семьям, краям. Я предлагаю крикнуть громкое „ура“ Атаманам!“

„Ура“ жидкое и неуверенное.

Ген. Шкуро продолжает:

... „Я не хочу митинга. Я призываю вас вынести постановление в верности Войску и Атаманам. Веруй, как кто хочет, но исповедуй одно Войско и В. Атамана... Кто среди вас старший казак, чтобы мог быть председателем?“

Голоса: ген. Данилов!

Ген. Шкуро: А где он?

Голос: Пьет чай!

Ген. Шкуро: Ну, что-ж. Подождем отца. Чаевать дело-то стариковское!..

Голос из группы Протопопова: Протопопова в председатели!

Ген Шкуро: Молод в яйцах! — И предлагает, пока, председательствовать Есаулову, который соглашается и берет первое слово.

Есаулов: Я не сомневаюсь в верности каждого своему Войску, но я не верю в тот под'ем, который царит среди вас в настоящее время. вспомните приезд помощника Куб. В. Атамана ген. Звягинцева, вспомните тот под'ем, который был на сходе. Уехал Звягинцев и образовалось еще две станицы („Обще-казачья — Протопопов и „кирилловская“ — Бузун). Я предлагаю всем объединиться, но первое объединение должно прийти сверху. Каждый пусть мыслит, как хочет, но пусть лучше при Атамане образуется „совет“, который, придя к определенным выводам, даст направление объединенному казачеству.

Вторым говорит Недбаевский:

... У нас, казаков, „верхи“ отошли от казачьей массы. С каждым годом пропасть между нами, казаками и старшиной все углубляется и углубляется. Среди казаков появляется недоверие к „верхам“. „Верхи“ потянули к русским...

Голоса перебивают Недбаевского словами: „А разве казаки не русские?“

Шкуро: Что-ж, разве есть еще и жидовские?

Недбаевский: Я говорю о русских казаках, но были еще и турецкие казаки (подчеркивая лишь подданство казаков)...

... У нас есть Выборный Атаман, и, как таковой, он должен быть первым слугой своего Войска и идти с казаками. По моему объединение должно быть начато с низов...

Голоса: Правильно!..

Недбаевский: Я казак-националист и республиканец. По нашему укладу, по укладу казачьей жизни Атаман должен помнить, что он обязан служить Войску и не забывать, что он есть Президент, т. е. глава государства...

Голоса: Правильно!..

Ген. Данилов вступает в обязанности председателя.

Ф. П. Дьяченко-Калмыков (член Куб. Кр. Рады, менявший все цвета и оттенки, начиная с самостоятельности и кончая легитимизмом): Я слышал три речи и моя будет четвертая. Вспомните г. г. 17 год, когда казаки разбили на два лагеря: одни защищали Кубань от „красных“, а другие от „гостей“ — Доброармии. Эти два фронта не смогли слиться в один для борьбы, как с одним врагом, так и с другим. В армии велась пропаганда, и в результате — мы за границей. И спасли что? Никому не нужную жалкую жизнь. Все произошло лишь потому, что „верхи“ партийностью раздробили казаков и довели до краха. Я не говорю и не ругаю Атамана. Боже, меня сохрани! Атаман, для меня, имя святое...

Голоса: С каких это пор?! С сегодня?!

Дьяченко-Калмыков: Партийность нас погубила. Я не могу теперь понять смысла призыва ген. Шкуро. Он был бы уместен и понятен на Кубани, но к чему здесь все эти уговаривания?..

Ген. Шкуро: Да не уговариваю я, а лишь говорю! Дьяченко-Калмыков: Как каждая работа, так и объединение требует системы. Революция для меня воняет. Она мне разрушила жизнь, семейное и материальное благополучие...

Казак Копка: А кто отправлял казаков в Сов. Россию?!

Копке не дают говорить.

Дьяченко-Калмыков: Я говорю не от своего имени, а от ст. имени „бригадира Головатого“. Мы просим не революционного духа, а широкой общественной жизни. Все, что так необходимо для оздоровления казаков, может произвести В. Атаман с казаками-же, но не политиками, а чиновниками. Я зову вас, казаки, на старый шлях, на путь наших дедов!

Ген. Шкуро: Выслушав три мнения, я подвожу итог. Я считаю, что наиболее прав атаман Недбаевский. Нет такого здания, которое бы строили не с фундамента, а с крыши. Фундамент — казаки есть, а „верхи“ найдутся. Конечно, для тех, кто захочет, а кто не захочет, — его дело. Корни русской революции лежат глубже, чем разделение сословий. Я не хочу говорить о революции и ее корнях; я лишь хочу, чтобы каждый из вас, наконец, понял для чего он живет, существует и мучается. Да, действительно, Атаман для казаков, а не казаки для Атамана. Атаман есть наш вождь, наш глава и не-

даром говорили казаки: „Здравствуй, царь, в кременной Москве, а мы казаки на Тихом Дону.“

Я рад, что Дьяченко на этот раз обошелся без упоминания ненавистного ему имени (полк. Соломахин). Не надо забывать, что революция воняет только революцией. Мы можем победить не Россию, а СССР, но только боевой же революцией. Мы должны свалить тот строй...

Понятие об общественной жизни, у меня связано с Керенским, Милоковым, т. е. с господами во фраках и цилиндрах, которые загнали нас к чорту на кулички. Но политические убеждения я все уважаю. Уважаю и движение, начатое Игнатом Билым. Я прочитываю каждый номер „В. К.-В. К.“ Когда я читаю стихи я плачу, когда читаю „преданье старины глубокой“, я восторгаюсь; но когда говорят, что череп донца и кубанца отличается от русского, мне становится смешно. Это могут писать те, кто не занимается физическим трудом. Смешна мне и история И. Быкадорова, по которой казаки ведут начало от хозаро-казахов, т. е. жидов,*) т. е. что и казаки ведут начало от жидов.**) Я с удовольствием пью водку с В. К., но иногда их не понимаю.

А в общем, меня никто не понял... Да, я забыл вам сказать, что И. Быкадоров раскаялся, я сам читал его письмо в котором он пишет, что писал историю для борьбы с самостоятельностью...

Итак, г. г., вы не поняли, что я вас зову к Батьке, больному и забытому Батьке, который будет силен лишь нашей поддержкой. Надо понять, что мы только казаки и понимаем, и готовы поддержать В. Атамана. Вас, казаки, примирить нельзя. Лучше работать вместе, но и порознь хорошо!

Ес. Буланов: Как понимать слово „Родина“? Этим словом вы ударили нас по больным струнам наших душ, напомнили о том, что есть у нас святого и дорогого. Мы готовы объединиться и дать свои жизни. Дело великое, но нужны люди, которым мы можем верить. Препяде закладки фундамента, работают над планами инженеры и выбирают материал. В. Атаману мы верим, но должны быть и помощники такие же. Короче говоря, будет-ли в этой работе полк. М. К. Соломахин?

Ген. Шкуро: Вопрос более, чем странный! Не все ли равно, какому подрядчику дадут работу лишь-бы он был честен и добросовестен. Каждый честный казак будет участвовать в работе на пользу Казачества.

Ес. Буланов напоминает о 13-ти казаках и полк. Симинихине, которые были высланы за большевизмскую пропаганду из Сербии, а причастный к ним Соломахин был оставлен благодаря лишь ручательству перед властями за него ген. Зборовского, нач. куб. каз. дивизии.

Ген. Шкуро: Я запрещаю Вам говорить дальше! Это не суд!..

Сход требует вынести на свет правду и просят ген. Шкуро, чтобы он разрешил ес. Буланову докончить. Ген. Данилов: Не о Соломахи не поднимался вопрос, а об казачьем объединении.

Против полк. Соломахи „кирилловцы“ и Обще-казачья ст. — Протопопов. „Недбаевцы“ и „есауловцы“ молчат.

Ген. Шкуро предлагает докончить, но не называя имен.

Сход требует назвать имена.

Ген. Данилов ставит вопрос на голосование. Согласны больше иногородние, о чем заявляет сходу ген. Данилов и, ввиду поднявшегося шума, прерывает заседание.

Заседание вновь начинается. Говорит Бузун.

Бузун: Ген. Шкуро предлагает нам объединиться вокруг В. Атамана...

Прерывают голоса: „Богаевский уже изменил. Он нас предал!“...

Бузун: Помните, что разрушение России началось с „верхов“. На Кубани был брошен клич в 17 году. Клич бросили с „верхов“ и родные края были освобождены. Моя станица давно выразила доверие В. Атаману

*) От ред. Ген. Шкуро в этом месте солгал. Солгал ли он намеренно, или „рубанул“ по недомыслию — не знаем. Вернее всего — от излишней „смелости“.

и готова идти работать. В будущем мы ждем Раду и готовы идти за честными вожаками. Грязные имена должны быть названы!

Крики: „Браво!...“ Молчат только „недбаевцы“.

Ген. Данилов прекращает крики восторга и предлагает Бузуну и Протопопову идти работать.

Ген. Данилов: Помните, что В. Атаман не идет с Кириллом!

Озверелые легитимисты бросаются на ген. Данилова, готовые пустить кулаки в ход. Успокоившись, срывают собрание и уходят. Вдогонку: по адресу Протопопова, крики: „Мужик, хам!...“

Попов называет Протопопова авантюристом.

Ген. Шкуро не считает всех „протопоповцев“ дураками.

Крики: „Мужик, хам!“ не смолкают.

Ген. Данилов слагает с себя звание председателя.

Ген. Шкуро принимает председательство на себя.

Ген. Шкуро: Стыдно так держать себя, казаки! Это бардак, а не сход. Разве сердце вам не говорит о том, что там плачут. Меня удивляют особенно г. г. офицеры. Стыдно перемывать грязное белье. Чувствуете-ли вы, что настало, наконец, время работать. Очень огорчен полным отсутствием дисциплины, а особенно у „кирилловцев“. Я просил ген. Данилова взять на себя руководство курсами военных знаний. Работайте, хоть по одиночке, но работайте...
Сход кончился в 6 часов вечера.

Ужин после схода в Новом-Саду

17 января 1932 г.

Бурное заседание, на котором так „трескуче“ провалилась „акция“ Шкуро и которое едва не привело к кулачной расправе, закончилось. Казаки станицы имени Чепиги, во главе с атаманом П. И. Недбаевским, собрались в задней комнате одной из кафан. Ждут ген. Шкуро, а пока его нет, Атаман П. И. Недбаевский просит, приехавшего из Белграда, студента казака П. М. Мерзликина поделиться с казаками тем, что он сам знает о казачьей жизни и различных политических движениях.

П. М. Мерзликин: Г. г. многого вы от меня не услышите, т. к. и я не особенно еще много знаю... Сегодня на сходе вам пришлось столкнуться с „самостийниками“ или „вольными“, как их назвал ген. Шкуро, с „кирилловцами“, „филимоновцами“ и „казаками обще-воинского союза“, как именуется станица Протопопова. С каждым днем все больше и больше завоевывает себе место „самостийное“ движение.

Представьте себе, что ваша станица занялась пожаром, а станичники, вместо того, чтобы тушить пожар, вышли за околицу и начали создавать план, как потушить или бы начали выбирать начальника. Чтобы сделали домовитые казаки? Кинулись-бы каж-

дый к своей хате и старались-бы тушить пожар. Правильно ведь?...

... „Правильно, конечно!“...

... Вот так и с нами казаками вышло. Лучшие из казаков, видя, что Россия будет еще долго гореть, а русские до конца века будут все „объединяться“ и пить очередные „чаи“, решили найти себе союзников и начать спасать свой край. Мы сгали „самостийниками“. Мы только лишь казаки, которые любят свой дедовский порог и готовы защищать его грудью. „Кирилловцы“ ждут и надеются, что им добровольно царь даст все права и привилегии. К нашему стыду, „кирилловская“ болезнь основалась среди кубанцев... Пожелаем им ждаты, а сами мы будем работать.

„Казаки обще-воинского союза“, это последователи тех, кто грубо насильничал у нас на Кубани, кто менял нам законы, кто вешал Кулабухова и убивал Рябовола. Это приспешники тех, у кого руки выше локтя в крови и крови казачьей. У меня нет для них иного имени как изменники! К нам пришли на Кубань добровольцы. Вы встречали их колокольным звоном, бросали под ноги цветы, кричали Христос Воскресе! А они что? Что они сделали?... Они плюнули нам в душу и распяли Кубань! И неужели среди вас, после стольких предательств, найдутся такие, кто пойдет с ними“...

Ф. П. Дьяченко: Я тоже самостийник, но иной, законный. Я хочу наследство дедов получить законно от императора.

Какой-то бывший член Краевой Рады обращается к Мерзликину с вопросом кто он.

— Я? Я казак!

— А разве казак не русский?

— Конечно нет! У русских есть черта всех переделывать в соотечественников. Полякам они тоже стараются доказать, что поляк не поляк, а русский. Вообще эти г. г. не прочь применить грубое насилие...

— Ну-с, господин член Рады, а Вы кто?

— Я русский!

— Как-же Вы попали в Раду?

— Выбрали.

— Хотите, я скажу Вам кто Вы? Хотите?...

— Хочу.

— Вы свободный гражданин Кубанской казачьей республики! Поняли?

— Нет, я русский.

— Знаете, милостивый государь, я стыжусь, что у нас в Раде могли заседать подобные господа. Можете выслуживаться у русских, а я остаюсь все-же только казаком!...

Пришел Шкуро. Самый молодой обонел со шляпой всех гостей и появилось на столе вино. Шкуро овять выступил с речью, призывая идти спасать „ст. Пашковскую“ и Кубанский край. „Умрем-же за „неньку“ Кубань. Я не зову вас спасать Россию, не зову ставить ей царя. Царя Россия сама не хочет, а зову спасти оскверненный дедовский порог. Вы, молодежь, обращается к

От редакции:

Были уже случаи, когда сотрудники „В. К.“ начинали сотрудничать в изданиях, пути и задачи которых не совпадают с путями и задачами В. К. Такое явление нельзя считать нормальным и для казачьего дела полезным.

Для успешного решения казачьего вопроса нужна прежде всего ясность постановки этого вопроса и такая же ясность его решения. Ясность и определенность казачьей программы — первый залог ее успеха. Но для осуществления ясной и определенной казачьей программы — программы ВК — нужны определенно поставленные задачи люди. Всякий знает, что меньшая численно, но объединенная одной идеей, сплоченная и „однородная“ организация может сделать гораздо больше, чем большая, но разномыслящая и разношерстная „группа“.

Короче: нам нужно знать свои силы. Поэтому всякое сотрудничество сотрудников „В. К.“ в иных изданиях без предварительного соглашения о том с редакцией „В. К.“ будет почитаться за выход их из состава сотрудников „В. К.“

То же самое будет относиться и к тем в. к., которые будут принимать участие в организациях и группировках, цели и задачи которых не совпадают с программой В. К.

Мерзликину, — должны проснуться, должны прекратить писать стихи, поэмы и фельетоны, а пора вам стать впереди и вести нас. Не думайте, что мы, старые, уж такие плохие. Кто не ошибался. И мы в свое время „коммуны шукали по сундуках“ — чего грех таить. Но вы, молодежь, умрите за свой край, умрите за Кубань. Ваше здоровье, молодой казак! А вижу, по глазам вижу, что вы добрый казак! Ваше здоровье!

Мерзликин: В наших сердцах давно окрепла любовь к родной хате, давно явилась готовность умереть за отчий дом. Вы зовете нас на смерть, но надо уметь и умереть. Ведь очень просто и под трамвай подставить голову. Нет, каждая капля нашей молодой крови должна оросить родную землю и дать потом всход.

„Мы гордое племя, мы вольные птицы,
В нас кровь горячее огня, —
За наши курганы и наши станицы
Мы вихрем взлетим на коня!“

Но только за курганы и станицы;

Ген. Шкуро: Очень, очень хорошо. Дивно. Своими стихами вы будите в душе самое светлое, самое радостное и дорогое!

Ген. Данилов: За лучшего из казачьих героев, за Вольную Кубань и великую Россию!

Мерзликин: За Вольную Кубань, а о России после!

Ген. Шкуро: За Кубань! И охрипшим голосом запел Кубанский Войсковой Гимн.

Не прошло и часу, как каждый старался доказать, что он прежде всего казак... (Соб. кор.)

В Кливелянде.

2-го января 1932 г. состоялось годовое собрание вольных казаков гор. Кливелянда (U. S. A.). На собрании были произведены выборы администрации согласно правил, указанных в номере 93 журнала „В. К.“

В силу малочисленности, станица переименована в вольно-казачий курень имени Ермака Тимофеевича. Единогласно избран куренным атаманом А. Аникушин (терец) и казначеем Н. Щербуяев (донец).

Собрание вольно-казачьего Куреня „Ермак“, прочитав обращение атамана Пугачевской стан. деда В. Бабаина, отвечает: „слышимо, деду, мы готовы с Божьей помощью в поход“ и постановило отчислить из куренной кассы 15 долларов и направить в фонд первого Вольноказачьего с'езда в центр В. К. Вышеуказанная сумма прилагается при сем.

Атаман Вольно-казачьего куреня „Ермак“ А. Аникушин.
Казначей Н. Щербуяев.

В. К. в Августове.

Постановление

группы вольных казаков станицы атамана Назарова в Августове от 18 января 1932 г.

Мы, нижеподписавшиеся вольные казаки, на общем собрании выбрали старшим группы ст. Кирьянова Алексея и в тоже время уполномочиваем его быть представителем журнала „В. К.“ в Августове. Просим „В. К.“ утвердить нашего представителя, который будет вести переписку с вами от всей группы.

Желаем развить смело и храбро движение „В. К.“, ибо мы сильны духом. Верим неизменно, что движение „В. К.“ есть самый правильный путь казачий.

Старший группы: А. Кирьянов (донец); члены: Кочетов Емельян (д.), Сафионов Феоктист (д.), Степан Пастухов (уралец), Желевников Сергей (донец), Стефан Григоров (д.), Г. Калинин (куб.), Н. Аксенов (д.) и Е. Кулишов (д.).

Собрание калмыков в Парей-ле-Мониале.

10 января состоялось собрание небольшой калмыцкой колонии в Парей-ле-Мониале, на котором присутствовало 14 человек. Председателем был избран пиущий эти строки. По исчерпанию вопросов местного характера, мною было сделано обстоятельное осведомление о вольно-казачьем деле и в заключение предложено сочувствующим сделать посильные взносы в фонд „Вольно-каз. С'езда“ после чего следующие лица внесли по 5 франков: Балданов Санжа, Манжиков Макуш, Хараев Василий, Шургучев Басан, Сармуткин Омар, Мангашов Хабу, Иванов Бадьма, Шурганов Учур и Тектинов Петр. Итого 45 фр.

Каковые деньги направлены в ред. „В. К.“. Собрание Парей-ле-Мониальской Калмыцкой колонии поручило мне поздравить всю калмыцкую эмиграцию с праздником „Цаган“.

29-1-32 года.

С. Ш. Балданов.

Двойной праздник Пугачевской станицы.

31 января к 11 час. вечера все члены станицы со своими семьями и гостями*) собрались в заранее приготовленном помещении, где хлопотами казначея станицы г. Болдырева уже были приготовлены столы, уставленные закусками и напитками

Без 10 минут 12 все заняли свои места, а через 5 минут поднялся атаман.

В краткой речи он обрисовал вольно-казачье движение и его все ускоряющийся рост, указав, как пример, на нашу станицу: сначала инициативная группа в 3 человека, затем станица в 17 человек, а „сейчас, как вы видите, здесь на лицо 35 человек. Станица законная, зарегистрирована и ее устав утвержден французским правительством. Но ведь это еще не все. Есть еще много сочувствующих. Как например: меня с неделю тому назад остановил один казак, не состоящий в нашей станице, и, как я думал, даже и не сочувствующий, и передал мне 5 фр. на вольно-казачий с'езд, отказавшись назвать свою фамилию, и просивший записать его от имени Емельяна Пугачева“.

Затем атаман, вспомнив определение нации великим патриотам Украины Т. Г. Шевченко и о том, что Огюст Конт, знаменитый французский социолог, указал, что жизнь нации направляют не столько живые, сколько мертвые, что мы видим и на примере Вольного Казачества, которое по мере того как полнее познает свою историю, все больше и больше вырисовывает свои чисто национальные черты, которые до сего времени смутно вырисовывали лишь изустные предания и рассказы, передаваемые стариками казаками и казачками своим внукам. В этом великом деле осознания своего казачьего „я“ сыграл великую роль наш дорогой журнал „В. К.“, который смело поднял перед взорами Казачества ту тяжелую занавес, которая скрывала от него его прошлое и поднятие даже края этой занавеси сурово каралось императорской Россией.

Заканчивая речь, пожелав всем здоровья в Новом Году, атаман высказал пожелание встретить следующий, 33-й год, если и не дома, то во всяком случае с такими реальными достижениями ВК, какие дадут возможность каждому ясно видеть конец своих скитаний и бедствий.

Дружное „ура“ и разнообразные пожелания были ответом на речь и поздравления нашего дедушки. После этого поднялся помощник атамана С. Б. Аршинов и сказал:

— „Дорогие станичники и станичницы! В данный

*) Казак, не состоящий в станице, и друзья станицы: 2 серба и 2 итальянца.

Кто хотел бы поместить в журнале „В. К.“ фотографии — вообще из жизни казачьей эмиграции или другие какие, которые редакция приняла бы к напечатанию, — тот должен присылать и на покрытие соответствующих расходов из расчета: за 1 квадрат. сантиметр: или 60 гал. ч., или 50 сент. фр., или 1 динар, или 3 леи, или 2¹/₂ лева, или 20 грош., или 10 пфен., или 2 ам. цента.

момент мы все здесь собрались одной вольно-казачьей семьей Пугачевской станицы отпраздновать по старинному встрече Н. Г., приобщив к этому празднику и празднование 4-х летнего юбилея нашего дорогого журнала „Вольное Казачество-Вільне Козацтво“. Таким образом, наш сегодняшний праздник является как бы двойным праздником. 4 года тому назад родился младенец, а 3 недели тому назад ему исполнилось 4 года. Этот честный, гордый и свободный младенец, несмотря на свой столь юный возраст, заговорил так, что его услышало Казачество, рассеянное по всему белому свету; Казачество осознало, что оно есть единая семья и начало собираться, организовываться. Таким образом выпрямилась и вновь стала роста согнутая и надломленная самая надежная наша скрепа — скрепа национальная. Этот младенец открыл многим глаза и указал им их путь и конечную цель — Казакию. Да здравствует независимое, свободное и вольное государство Казакия! С Нов. Годом, с новым счастьем!

Сейчас же по окончании речи г. Аршинова на середину зала вышел шестилетний донец Степан Кравцов, по кличке Степан Разин, и с большой выразительностью продекламировал стихотворение Л. Самсоновой — „Нельзя сказать, как любишь то, что с кровью матери дано“. Перед словами:

О, Боже! Дай в последний раз,
Хотя в предсмертный тяжкий час
Увидеть синюю волну...

он стал на колени и молитвенно сложил руки на груди. Кончив стихотворение, поднялся, сделал поклон и пошел к своему месту. Наступила минута молчания; многие вытерали слезы. Вдруг зал огласился целым громом аплодисментов.

Вновь поднялся С. Б. Аршинов и кратко обрисовал цель вольно-казачьего движения.

Затем на середину зала вышел 10-летний донец Дмитрий Кравцов и продекламировал Стихотворение: „Казачья колыбельная песня, посвященная казаченку, родившемуся в эмиграции“. Дружные аплодисменты были наградой и этому декламатору.

Потом выступил председатель ревизионной комиссии Г. В. Балабин и в приподнятом тоне обрисовал действия партизан (по казачьи — охотников), в частности — кадет Донского корпуса. Обрисовал также отношение к ним и атаманов: Каледина, Краснова и Богаяевского. Написал полную ужаса картину выступления в поход пешком детей. Закончил — отношением ген. Богаяевского к кадетам за границей.

После этого четвертом был спет гимн Казакии на слова Томаревского из номера 86-87 журнала „В. К.“, положенный на ноты членом станицы М. Ф. Болдыревой. Дружное, долго не смолкаемое „ура“ было ответом.

Следующая речь была Никол. Кубановича Даржинова. Он говорил о необходимости всем вольным казачкам слиться в единую семью и стать одной массой как-бы бетонной, чтобы никакие клинья, в нее направляемые, не могли ее расколоть, а для этого каждый член уже огромной вольно-казачьей семьи должен осознать, чем были его предки, чем был он сам и чего он желает в будущем. Взрослые вольные казаки развиваются по мере возможности; но детям нужно давать образование. Для этого нужно напрягать все силы, не стесняясь средствами. Те родители, которые не учат детей или ограничиваются одной начальной школой, совершают преступление „и я, поздравляя дорогих станичников и станичник, прошу не забывать своих обязанностей к детям“.

Отвечал на его речь, И. А. Болдырев, заявив, что наша станица поздно организовалась и учебный год уже начался; но что на будущий год у нас будет своя школа, где будет обращено главное внимание на всестороннее знакомство со своей родиной и историей Казачества в изложении, понятном для детей.

Тосты и пение казачьих песен продолжались до 2 ч., после чего начались танцы.

В 7 часов утра г. Аршинов попросил внимания и объявил, что сегодня по буддийскому летоисчислению начался 2897 год.

Так дружно встретила Пугачевская станица Н. Г. Всем стало видно, что действительно наша станица есть единая семья, крепко спаянная единой идеей, к достижению которой все стремятся всей душой. Идея эта — вольные казаки в независимой Казакии.

Пугачевец.

В Париже.

31 января „Лига Возрождения Казачества“ устроила публичное собрание, на котором должен был бы, согласно объявления в жур. „КД“, прочитан доклад на тему: „Большевизм и Казачество“. Тема казалась ясной и аудитория в 23 чел. ждала этой ясности. Докладчиком был г. Бояринов, который начал свой доклад с „основания Казачества“. В своем „основании“ Казачества он видит русских белцев времен Б. Годунова и Иоанна Грозного, чем противоречил с заявлением своего же единомышленника г. Карева, говорившего на предыдущем их собрании 4 окт. 1931 г. („П. Н.“ № 3847), что „Казачество — отдельный народ, как таковой“. Правда, частично докладчик упоминает о хозарах, полочках, печенеггах и др..

Доклад свой г. Бояринов вел в рамках всевозможных „религиозных секций, вплоть до духоборов, и в заключительном своем слове напомнил казакам о „порохе, но — поставил „но“...

После доклада вызывают оппонентов. Аудитория в „недоумении“ и оппонентов нет. Может быть она ожидала от возглавителей Лиги, что они сделают доклад под фирмой объявленной темы: о направлении умов в период революции; о причинах, побудивших Казачество вести борьбу с большевиками; о приемах ведения этой борьбы; о причинах местного раскола во взгляде на большевиков и, вероятно, ожидала характеристику лиц, возглавлявших Казачество в противобольшевизмском движении, и др. вопросы этого периода.

„За отсутствием ясности“, с пояснением выступает г. Карев, после чего у слушателей новая заминка.

Встает ст. Жуков „благодарит“ за „обстоятельный“ доклад, но старается вызвать докладчика и „пояснитель“ на ясность и определенность. Ее снова нет! Делается перевыв.

После перерыва новый вызов к оппонентам, но оппонентов все нет, за исключением вопросов, отдельно задаваемых.

Поднимается наконец казак Збронский и задает ясный вопрос: „Какая существует разница между Вольным Казачеством и „Лигой Возр. Казачества“? Этим неожиданным и, вероятно, неприятным вопросом для „опытных“ руководителей „Лиги Возр. Казачества“ стан. Збронский, правда, перевел резко беседу не на тему доклада, ибо он был настолько бессодержательным, что о нем и говорить нечего, но беседа завязалась.

На заданный вопрос дает объяснение г. Бояринов. Он лаконически выбрасывает враждебные и не достойные „эпитеты“ по адресу „Вольного Казачества“: „Казачья это — утопия“, „Мы не занимали ума у соседних государств“, „За Конституцией к Венскому профессору не ходим“, „В казачий храм не позволяем вводить раввина“, „Никто не смеет нас упрекнуть в чем либо“.

Когда „кратер“ г. Бояринова закрылся, слово было предоставлено ст. Лебедкину. Он сказал, что „Лига“ проповедует „о политических мышлениях“ — „от монархистов до социалистов“. По словам ст. Лебедкина, таких „мышлений“ у казаков не может быть, ибо не было и не будет своего казачьего царя.

Берет слово стан. Жуков и на всю реплику по адресу ВК, со стороны старого монарх. Бояринова, исчерпывающе отвечает. Он говорил, что дело не в названии, а дело в слиянии на равных началах всех Войск в одно целое Казачье Государство. Вольное Казачество представило зарубежным казачкам на суд гласности проект Конституции Общеказачьего Государства и сказал: на, казак, смотри и мозуй сам, вноси поправки в постройку своего собственного государства. Если ты,

*) Подлинные слова г. Бояринова.

казак, отвергнешь полностью, то представь свой лучший проект постройки Общеказачьего Государства и мы примем с благодарностью.

Дальше слово было предоставлено стан. Скобелину. Он сказал, что вольные казаки строят Общеказачье Государство — Казакию на тех же основаниях, на каких построены казачьи Станицы и казачьи Войска. Поэтому будущая Казакия — не утопия, а казачья историческая последовательность и казачья логика. Доказывал он дальше Бояринову и Кареву, что построение их в виде обособленных самостоятельных каз. Войск, по примеру Латвии и Литвы, привело бы в будущем к новым „маневрам“ новых кн. Долгоруковых и генералов Деникиных, что и было. Отвечая г. Бояринову на его слова: „никто не смеет нас упрекнуть в чем либо“, Скобелин по документам подходит к тому месту, где г. Карев говорит в жур. „КД“ об Основных Законах В. Д., предстает Бояринову и Кареву из нескольких данных три документа: 1. Дон. Лет. № 1, где помещены Основ. Зак. 2. Жур. „КД“ № 4-5 „Лиги“, где г. Карев позволил, вопреки своей „безоговорочной совести“, писать об Осн. Законах, 3. программу „Лиги“, которая допускает противоречие с Осн. Зак. и свободное вхождение в состав российской империи. После этого доказывает г. Бояринову и Кареву, что они не имели нравственного права писать в „КД“ о каз. Конституции и подтверждает свое доказательство цитатой из газ. „КД“ и „Каз. Слова“ № 5. Редактором последней газеты был А. Бояринов, а призывала она „держать связь с в. к. Николаем Николаевичем“. Подойдя к „безоговорочному подчинению“, Скобелин открывает газету „Возрождение“ за 1926 г. и указывает на место г. Бояринова, как Деп. и Тов. Пред. Дон. В. Круга, среди русских единонедельных зубров...

Берет слово проф. Марков. Он предупредил казаков, что он федералист и будет защищать федерацию, призывая к совместной работе и борьбе с большевиками. Ему с места заметили, что „Россия“ федерации казакам не дает и не даст. Он „парирует“: „ну, что ж, тогда буду защищать самостоятельность“.

Поднимается докладчик, А. Бояринов, отвечать оппонентам. Первому отвечает Скобелину и отвечает на два вопроса, умалчивая о разнице между программой „Лиги“ и Основными Законами.

После г. Бояринова поднимается г. Карев и бросается в сторону вольных казаков и бездоказательно говорит, что Конституцию выработали не вольные казаки, а профессор еврей. Вольные казаки, видя, что г. возглавители „Лиги“ знакомы казакам по Зар. Съезду, оставив право на разъяснение редакции „ВК“, кто выработал Конституцию, покинули „Лигу безоговорочного подчинения“.

1-II-1932 г. Париж.

(Соб. кюр.)

Р. S. От редакции. Если бы не сопроводительное письмо соб. кор-а, приславшего эту корреспонденцию, мы бы ее, конечно, не поместили на страницах „ВК“ (как другой раз и поступим) т. к. у нас не хватает места для своего более нужного материала, чем отчеты о „работе“ никому не интересной „Лиги“. Очевидно все же, что неприличные „выступления“ г. г. Бояринова и Карева волнуют некоторых в. к. в Париже и только ради них мы даем ниже некоторые разъяснения по поводу недостойных выходов „лигистов“.

Прежде всего общее замечание: когда у людей нет аргументов, тогда они прибегают ко лжи. Это бывает, обыкновенно, злоба бессилия. Так было и в настоящем случае с „лигистами“.

Итак: профессор Эйхельман не только не еврей, но и „ничего общего“ не имеет с евреями. Далее: он был профессором не Венского университета, а Киевского университета св. Владимира (до революции). Старый, заслуженный ученый европейского масштаба, он попал сейчас в „переделку“, вместо того, чтобы ему сказали спасибо. „История“ же нашего проекта Конституции такова: декабрьский съезд (1930 года) Центрального Комитета Союза В. К. постановил изложить основную часть программы В. К. в виде проекта Конституции Казакии и принял ряд положений, как исходных точек для составления такой Конституции. поручив

составление ее редактору „В. К.“ Уже в январском номере 72 „В. К.“ за 1931 г. появилась передовая статья „Путь Вольного Казачества“, основанная как раз на принятых Ц. К. положениях.

Так как редактор „В. К.“ не является специалистом ни международного права, ни государственного права, ни административного права, то, естественно, что он должен был найти себе соответственных помощников специалистов. К большому нашему сожалению, у нас, казаков, не было и нет еще Новочеркасских профессоров, Екатеринодарских профессоров, Владикавказских профессоров, и т. д. Да при русской политике в адрес казаков их не могло и быть. И что же теперь зазорно в том, что редактор обратился к нейтральному, но знающему человеку, ныне профессору Украинского Университета в Праге? Вероятно, Бояриновскому и Каревскому сердцу было бы приятнее видеть за такой работой профессоров русских?

Далее: роль проф. Эйхельмана ограничилась в подлежащих случаях исключительно ролью технического „спеца“, не больше. Ответственность за печатаемый проект Конституции лежит на редакции, а не на проф. Эйхельмане.

Еще один общий вопрос: можно ли прибегать к помощи специалистов? — Да, можно и нужно. Специалисты по всем вопросам нет. А у казаков их вообще мало или совсем нет. А посмотрите „больших людей“ нынешнего времени, делающих мировую политику, — каким сонмом всевозможных специалистов окружают они себя, делая свою политику или едучи на „очередную“ международную конференцию!

Пример, более поразительный, на котором и нам, казакам, следовало бы поучиться: Япония сейчас одно из самых „современных“ государств. А многие ли знают, что свое преобразование она начала всего во второй половине прошлого века (60-70 лет назад). И поступила она так: пригласила к себе иностранцев-специалистов по всем отраслям знания и техники, заплатила им хорошие деньги, приставила к ним свою молодежь и за десяток, другой лет имела ученых и специалистов своих. А что она имеет сейчас, видно всякому.

Возвращаемся к проекту Конституции. Больше, пока, к тому, что напечатано на первой стр. номера 96 „В. К.“ и к тому, что сказал на собрании „Лиги“ же ст. Жуков, сказать нам нечего. Кроме разве того, что печатаем ее для обсуждения вольными казаками, а не для „удовольствия“ противников. Противников наших все равно никакими Конституциями не убедить. Пусть не смущают парижских вк. нападки „лигистов“ на проект нашей Конституции, — она ведь появилась на 5 году жизни В. К., а они ведь не принадлежали к нашим друзьям и раньше. Разве г. Бояринов принял бы программу ВК, если бы она написана была ну, положим, станичником Скобелиным? Конечно, нет. И дело здесь не в том, кто пишет, а в том, что пишут. Для г. г. Бояриновых неприемлема сама идея объединенного казачьего государства, ибо это исключает их программный вопрос о вхождении в состав будущей России. В этом суть. „Аргументы“ же для разных „доказательств“ „ищутся“ потом везде там, где их найти можно. Часто их выдумывают или сознательно лгут, как было и в данном собрании „Лиги“.

Несколько слов о других „замечаниях“ г. Бояринова. Что значит: „В казачий храм не позволяем вводить равнина“ — не понимаем совершенно. Мы, в. к., не собираемся тоже в казачий храм вводить равнина. Да никогда мы еще и не слышали, чтобы какой нибудь равнин такие намерения имел.

Утопия или не утопия Казакия — покажет будущее. Сейчас можем только сказать, что этой утопии хочет гораздо больше казаков, чем того, о чем все никак не могут решиться сказать ясно и определенно „лигисты“ в „К. Д.“.

„Мы не занимали ума у соседних государств“, восклицает г. Бояринов. Нам очень приятно, что у казаков столько своего ума. Все же „восклицания“ г. Бояринова можно понимать, как некий „намек“. Позволим себе спросить г. Бояринова: почему он думает, что у нас меньше ума, чем у него? А что если мы думаем о себе не хуже того, чем думает о себе г. Бо-

яринов? На страницах „В. К.“ появилось уже около 200 сотрудников (на страницах „К. Д.“ всего 6), — пусть они сами скажут, у кого это они занимали столько ума...

Мы сами позволим себе высказать следующее „еретическое“ утверждение: мы думаем, что у казаков совершенно достаточно ума, чтобы делать свое казачье дело. Другое дело — чужое дело: на то часто ума занимают. Если взять казачью историю старую и новую, то это наше утверждение можно подтвердить

блестяще. Даже сейчас еще есть некоторые казаки, которые живут чужим умом или хотят делать с казаками неказачье дело по чужой указке...

Отказ от представительства „К. Д.“

Письмом в редакцию „В. К.“ от 1 сего февраля наш сотрудник П. С. Поляков (Белград) сообщает, что он сложил с себя представительство журнала „Казачье Дело“.

К вопросу об оседании казаков на землю.

(Письмо в редакцию).

Вопрос этот всегда привлекал к себе внимание казачьей эмиграции. Только на земле казак привык чувствовать себя твердо и уверенно. В последнее же время интерес к нему особенно обостряется. Это и понятно. Экономический кризис, равного которому еще не видал мир и который длится уже более года, неминуемо продолжает развиваться все далее, поражая одну страну за другою. Одна за другою падают валюты даже в тех странах, которые до сих пор казались наиболее мощными. К миллионам безработных присоединяются все новые миллионы. В некоторых странах количество их достигает уже до 3, 6 и даже 7 миллионов человек. Это создает многие опасности, и правительства лихорадочно ищут выхода.

Но каждое национальное правительство заботится прежде всего о своих гражданах; не до иностранцев им теперь, не до гуманных чувств, когда дело касается эмигрантов: своя рубашка ближе к телу. Поэтому особенно тяжело приходится именно нам, эмигрантам: нас лишают заработка в первую очередь; мы лишены возможности пользоваться государственной помощью по безработице; нам и возвращаться некуда, ибо у нас нет отечества. Ужас нищеты и голода нам грозит больше, чем кому бы то ни было.

Вполне естественно поэтому, что казаки, хлѣбороб з діда-прадіда, лишній раз убеждаєся в непрочности и неустойчивости заработка фабрично-заводского рабочего, снова и снова тянется к земле. Ведь на земле, хотя и труднее, особенно в первое время, с голоду все же не погибнешь.

Информация казаков Лысенка и Тимченка о возможности поселения на землю в Парагвае снова всколыхнула казачью эмиграцию чуть не по всем местам ее расселения. Шлют запросы и собираются группами в Турции, Сербии, Польше и даже во Франции и Чехословакии.

Недавно мне пришлось выслушать обширную и в высшей степени основательную информацию о возможности поселения на землю в Ю. Америке вообще и в частности в Парагвае от лица, солидность которого и основательность всестороннего знания данного вопроса не подлежат никакому сомнению. Это — большой специалист в переселенческом вопросе, свыше 10 лет занимающийся им, проживший несколько лет в Ю. Америке с целью практического изучения и разрешения его в совершенстве владеющий языками почти всех европейских народов.

Его информация была настолько обширна, всесторонняя и основательна, что я могу передать ее лишь схематически.

Начал он с того, что предупредил:

— Имейте в виду, что многие считают меня пессимистом в моем взгляде на Ю. Америку, объясняя это тем психическим эффектом, который должен был получиться у меня в результате захваченной там тропической болезни, от которой я еле оправился.

Чтобы изучить и достаточно хорошо понять обстановку в Ю. Америке, недостаточно прожить в ней год, даже 2, а то и 3. Своим теплым климатом и необычайным богатством растительности Ю. Америке в первое время производит чарующее впечатление: кажется, что это страна вечной весны, где всем хорошо живется. Однако, это только кажется. В действительности дело обстоит

совсем иначе. Вскоре европеец обнаруживает, что избыток тепла его утомляет и расслабляет. Хорошо, если вы попадаете в местность, где хоть ночью температура спадает до 17—18°, и вы получаете возможность отдохнуть от дневного томления. Поэтому уже через 6—7 месяцев организм европейца до такой степени, так сказать, размягчается и ослабевает, что теряет нормальную сопротивляемость и часто становится жертвою всякого рода тропических болезней. А их там много. Ю. Америке в целом представляет собою собственно вот ту самую бульенную среду в ее естественном виде, которую европейские ученые искусственно создают в своих лабораториях и в которой культивируют и изучают всякого рода микробы. И много, много крестов рассеяно теперь по Ю. Америке от первой волны русской эмиграции туда...

Ехать туда, поэтому, могут только молодые и здоровые люди. Люди же с болезнями печени, почек, перенесшие венерические болезни, с расшатанной нервной системой и др. болезнями должны воздержаться от этого, так как они слишком рискуют либо своею головою, либо возможностью оказаться в сумасшедшем доме.

Что же касается малярии, то вся Ю. Америке вплоть до Патагонии поражена ею сплошь.

На этот счет нам необходимо почаще припоминать то, что представляли собою наши края, особенно Кубань и Терек, в период их заселения и освоения нами. Ведь первые поколения если и не вымирали, то во всяком случае жестоко страдали от малярии. Даже и современное старшее поколение еще очень хорошо, надо полагать, помнит, как много людей у нас болело ею. Наши края стали вполне здоровыми только с тех пор, как вся земля была культивирована и очищена от зарослей и проч. Однако на Черноморском побережье, а особенно на побережье Каспия у нашего соседа, в Дагестане, в районе Дербента, малярия еще и теперь так распространена, что приезжие с севера долго не выдерживают их климата. То же и на Муганской, Мильской (в Азербайджане) и Караязской (в Грузии) степях с их знаменитыми „чалами“, — низинами на равнине, в которых собирается снеговая и дождевая вода и, застаиваясь, служит местами размножения комаров.

При этом надо иметь в виду и то обстоятельство, что названные степи не только не страдают избытком влаги, а, наоборот, являются явно засушливыми районами, где полеводство ведется только при наличии искусственного орошения. Это я твердо знаю на основании своего личного опыта и наблюдений. А между тем все эти места, начиная с Кубани, лежат всего между 47 и 39° с. широты. Насколько же более благоприятными для малярии должны быть места, лежащие на 10—15°, т. е. на 1000—1500 км. ближе к экватору? Парагвай ведь расположен между 22 и 27 1/2° ю. широты.

Г. Н., поэтому, ни в какой мере не преувеличивает, когда ю.-амер. обстановку в этом смысле характеризует, как бульенную среду для всякого рода болотных и тропических лихорадок. Не считается с этим невозможно при решении вопроса о переселении и при выборе места под поселение.

Но с другой стороны, здоровые и не изнурительные по жаре места несомненно имеются и в тропическом климате, как, напр., Абиссинском плоскогории в

Африке, расположенном приблизительно между 10 и 25° с. шир., где, по отзыву экспедиции проф. Вавилова в 1925 или 26 г., в июле прохладнее, чем в Москве, а в январе теплее, чем во время московского мая. Однако такие места необходимо найти и внимательно приглядеться к ним.

— Далее, — продолжал мой собеседник, — здесь, в Европе, мы привыкли считать, что природа для человека — родная мать. В Ю. Ам. наоборот: там природа — враг для человека, враг чуткий, всегда настороженный, обманчиво замаскированный и всегда готовый смертельно поразить вас. Вы видите чудесный цветок, вы соблазнились его понюхать, чтобы ощутить его аромат, а через несколько дней обнаруживаете, что на слизистых оболочках дыхательных путей у вас появились язвы. Так же доверчиво, как у себя на родине, вы берете в руки какую-нибудь желтенькую, красивую мохнатую гусеничку. Как обыкновенно, она немощно поколела ваши пальцы своими волосиками, — что ж тут особенного? А между тем через несколько часов ваша рука начинает гореть, как в огне, и если вы не успели отрезать ее во-время, вам грозит смерть.

Вас укусил комар, и дело может закончиться тропической лихорадкой; укусил другой, и у вас обнаруживается воспаление мозговых оболочек, и т. д. и т. д. Словом, там надо быть всегда начеку. Туземцу несомненно лучше: он с детства уже знает, откуда и какая может угрожать ему опасность. Европейец же там всегда бредет ошупью, будто с закрытыми глазами.

Решая вопрос о переселении, вы, казаки, исходите, конечно, из того убеждения, которое создалось у вас на основании вашей жизненной обстановки у себя на родине: если, мол, я имею здоровые руки, достаточный клочок земли и пару рабочего скота, я уже ничего не боюсь, и я сделаю свое дело. Для Ю. Ам. этого недостаточно, даже совсем мало, с этим там далеко не уйдешь.

Такой земли как у вас, степной земли, которая только ждет плуга, там нет теперь. Она была но теперь нет; вся она теперь уже или занята, или находится в таких руках, из которых ее можно получить только за хорошие деньги, которых у вас нет. Та же земля, которую вам предлагают бесплатно, покрыта лесом. И прежде, чем пахать, ее необходимо очистить от него. Но знаете ли вы, что такое ю.-американские леса? Это — море, зеленое море, у которого только шаг за шагом, с огромным напряжением труда и средств можно отвоевать землю. Деревьев в несколько обхватов толщиной на гектар там приходится в лучшем случае не менее 1000 штук. При этом обратите во внимание и то, что там много и таких деревьев, которые тонут в воде, т. е. древесина которых так плотна и тверда, что далеко не всяким топором ее и рубить то возможно.

Поэтому там совсем нередки случаи, когда за один и тот же участок поочередно берутся, а потом бросают и уходят, 3-4, а то и 5-6 хозяев, иногда даже и многосемейных, у которых достаточно рабочих рук, а то и денежных средств.

Приходилось наблюдать там немцев, переселенцев, напр., из Данцигского коридора или из Боснии, которые покинули свои места только потому, что после войны оказались не в своей среде. Все эти люди крепкие, зажиточные, многосемейные, хорошие — опытные и культурные хозяева. Переезжали они обыкновенно не наугад, а по советам и указаниям своих соплеменников, ранее там поселившихся, и на участки, заранее для них облюбованные. И они говорят: „Да, земля хороша, но мы на ней плачем; будут не мало плакать и дети наши, а улыбаться придется только внукам“.

Нельзя также не принимать во внимание и ожидающего переселенцев правового положения. Ю.-американские республики — не европейские государства с их твердо установившимся правовым порядком, где даже и эмигрант, не находящийся под покровительством своего национального правительства, пользуется защитой закона наравне с местными гражданами. Тем не менее даже и здесь бывают всякого рода эксцессы только потому, что эмигрант — все таки эмигрант. А там?

Что вы будете делать, где вы найдете твердую защиту своих прав, если сосед-туземец отнимет у вас лошадь, или другое какое имущество, или, наконец, даже жену, дочь? Ведь там и между собою такого рода споры нередко решаются при помощи револьвера или кинжала. Для переселенца, а тем более эмигранта такого рода способ защиты неприменим, ибо слишком легко он может обрушиться на его же голову. Но совершенно в другом положении оказывается переселенец немец, скажем, или итальянец, который в таких случаях может обратиться к своему консулу.

И вообще необходимо сказать, что вопрос освоения ю.-американских земель совсем не простой вопрос. Наоборот: это — целая проблема и при том проблема многосторонняя и сложная. За ее разрешение берутся мощные экономические организации, а иногда даже и государства. И даже они далеко не всегда могут рассчитывать на верный успех и вынуждены прибегать к весьма сложным системам перестраховок конечного успеха.

— Отчего бы вам — заключил мой собеседник, — не присмотреться внимательнее к возможностям поселения на земле здесь же, в Европе? Возьмите, например, Францию. Французский крестьянин предпочитает сейчас работать в индустрии, перед ним широкие возможности во фр. колониях, и он оставляет свою землю и уходит в город или колонии. Прекрасный умеренно-теплый климат, тот же, если не лучше, чем у вас на родине; культурная обстановка, какой не найти ни в каком другом месте. Да многие ваши казаки так и решились уже этот вопрос: одни из них осели там, как арендаторы, а другие даже и в собственность приобрели землю. А ведь 5 га земли во Франции — это, пожалуй, совсем не хуже, чем 20 га где нибудь в Южн. или Центр. Америке.

В самом деле, думал я потом, что собственно привлекает наше внимание к экзотическим странам, начиная от Мексики и кончая Аргентиной? Главным образом, два обстоятельства, кажется мне теперь:

1. желание поселиться в одном месте по возможности большим своим обществом, в котором можно было бы построить свою жизнь хотя бы приблизительно так, как она текла у нас в станице на родине;

2. возможность бесплатного получения земли.

Во имя достижения первой цели можно и на край света согласиться пойти, однако при непременном условии не потерять здоровья, а тем более головы. Если же большинству или хотя бы даже значительной части угрожала бы смерть от тропических болезней или вообще от невозможности приспособиться к климату, то стоит ли так далеко уезжать за этим? Не дешевле ли обойдется нам земля, если бы мы платили за нее в Европе аренду, и не ближе ли друг к другу мы были бы, разделенные даже десятичасовым проездом по ж. дороге?

Над этим, по моему, следует хорошо подумать как нам, с надеждою устремляющим свой взор на вольные земли с теплым климатом, так и тем, кто уже путешествует по ним, и добросовестно, по братски поделиться с другом своим опытом, наблюдениями и сомнениями.

Но, повторяю, возможность отыскать подходящую землю с благоприятным для нас климатом и в тропических странах не исключена и ее надо искать.

Было бы хорошо поэтому, если бы все казаки, разбросанные по всем уголкам мира, — будь то в Америке, Австралии, Африке или в Европе, — и имеющие наблюдения и знания по этому вопросу, не держали бы их втуне, а делились ими с теми, кто их не имеет и в потемках бродит в поисках выхода из тяжелого положения. Не надо забывать, что многим из нас уже совершенно определенно начинает угрожать ужас голодной смерти. И чем дальше, тем все больше ухудшается наше положение, так как кризис продолжает углубляться и расширяться и конца ему не видно.

Все такого рода сведения можно направлять либо по адресу редакции „ВК“, либо по моему, напечатанному в № 94 „ВК“.

Ф. Воропинов.

Каждыйвольный казак должен подписаться на свой журнал!

**Открыта подписка на 1932 год
на иллюстрированный журнал литературный и политический
„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО—ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“
выходит 10 и 25 числа каждого месяца.**

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год:	цена отдельного номера:
В Чехословакии	40 кч.	80 кч.	5 кч.
Во Франции	40 фр.	70 фр.	4 фр.
В Югославии	60 дин.	100 дин.	6 дин.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	200 лей	300 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0.50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	3 долл.	0.20 долл.

Отдельные компакты за 1930 и 1931 годы прозаяются: в Ч. С. Р. по 100 к. ч. за год, а за границу — по 4 ам. доллара.

Подписную плату посылать по адресу: „Volné Kozáctvo“, Hradecká 2207, Praha-Vinohrady, Tchecoslovaquie.